

Я собираюсь быть рядом до конца твоих дней,
даже если ты меня ненавидишь

ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ НЕ НАВИДИШЬ

АГНИЯ АРРО

Агния Арро

Даже если ты меня ненавидишь

Серия «Trendbooks.

Романы Агнии Арро»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71838742

Агния Арро. Даже если ты меня ненавидишь: ООО «Клевер-Медиа-

Групп»; 2025

ISBN 9785002521296

Аннотация

Девочка, которую ненавидят все, и парень, который ненавидит всех. Они из разных миров. Им нельзя друг друга любить. Он – грубиян, наглец и боец без правил. Для него каждый день как последний. Она – талантливая фигуристка, гордость тренера и своей влиятельной семьи. Лед и пламя. И где-то там, на фоне бесконечной гонки за медалями и титулами, разбиваются хрупкие сердца этих двоих...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	52
Глава 8	59
Глава 9	67
Глава 10	74
Глава 11	81
Глава 12	88
Глава 13	96
Глава 14	108
Глава 15	116
Глава 16	122
Глава 17	128
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Агния Арро

Даже если ты

меня ненавидишь

© Агния Арро, 2024

Изображение на обложке использовано по лицензии ©
Stocksy,

Иллюстрации в тексте использованы по лицензии ©
Shutterstock

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2025

Глава 1

Амалия

– Ничего не случилось. Ничего не случилось. Ничего не случилось, – раз за разом повторяю себе под нос, сидя на заднем сиденье прямо за нашим водителем и рассматривая собственные ногти. Руки дрожат, а в горле комом застыли слезы. – Ничего не случилось. Первый раз, что ли? Они все придурки.

– Ами, тебе плохо? – спокойно спрашивает дядя Леня.

На самом деле его зовут Леонид Игоревич, и мама терпеть не может, когда я позволяю себе называть этого мужчину дядей, напоминая, что дядя у меня всего один – это ее старший брат, а Леонид Игоревич просто обслуживающий персонал, и не стоит причислять его к родственникам. Но когда мы одни, мужчина тепло мне улыбается, а я позволяю себе вольности в общении с ним.

– День был сложный. Все хорошо, не беспокойтесь, – отвечаю ему, но голос хрипнет, а язык норовит прилипнуть к небу.

Понятливый дядя Леня протягивает мне бутылочку прохладной воды. С благодарностью приняв ее, я откручиваю крышку и делаю несколько глотков. Судорожный вдох... Может, вовсе и не узнают дома про проваленную контроль-

ную и порезанный рюкзак, привезенный мамой из Италии всего пару месяцев назад? Новая коллекция какого-то там дизайнера, штучная вещь. Была...

Снова глотаю воду, чтобы не расплакаться. Тогда мать точно заметит и мне влетит. Я все исправлю. У меня тренировка с шести до девяти сегодня, а потом я сяду все выучу и обязательно пересдам. Только как это объяснить маме? Она же не станет слушать.

Одна слезинка все же скатывается по щеке. Смахиваю и сжимаюсь в комок, увидев ворота нашего дома, расположенного в элитном поселке Красные Зори. Это как Рублевка, только в нашем тихом городке в паре часов езды от столицы. Идеальное место для элиты, уставшей от шума и пыли. У нас тут красиво. Тишина, хвойная лесопосадка, парк и даже свой пруд с утками.

Из рюкзака опять выпали ручки и уже торчит пара тетрадей вместе с прозрачным пеналом. Позорно сбегая из здания колледжа через пожарный выход, я не успела все аккуратно сложить. Да и что толку, если в рюкзаке такая дырища! Заталкиваю все обратно и прижимаю рюкзак к себе, будто он самое ценное, что у меня есть. Хотя, если вспомнить, сколько он стоит...

– Ничего не случилось, – всхлипываю.

А ворота тем временем плавно двигаются в сторону, открывая вид на выложенную диким камнем парковочную площадку. Мне кажется, что это лишнее, но мама считает

иначе, а отцу все равно, он много работает и приличную часть времени проводит не с нами в поселке, а в столичной квартире. Сегодня он вроде должен приехать, но меня это не спасет.

Жадно допиваю воду, бросаю бутылку на сиденье и жду, когда дядя Леня откроет мне дверь. Я могла бы сама, но все еще нужно держать рюкзак. Сдув рыжую прядь, давно выбившуюся из косы, шагаю на каменную площадку. Благодарно кивнув водителю, быстро пересекаю эту часть двора и захожу в дом через дверь на кухне. Никого. Вот и отлично. Пробегаю через столовую, уютный коридорчик, ведущий в гостиную, сворачиваю к винтовой лестнице и мчусь на второй этаж в наше с сестрой крыло.

Аделина болеет уже третий день. В ее комнате играет музыка. Я захожу к себе и выдыхаю, прислонившись спиной к двери и уронив проклятый рюкзак под ноги. Из него все тут же выпадает и рассыпается по полу. Кажется, дырка стала еще больше. Присаживаюсь на корточки, поднимаю его и смотрю, можно ли что-то сделать. Бесполезно. Теперь дорогую лимитированную вещь остается только выбросить. Сердце в груди никак не уймется. Колотится быстрее, чем перед соревнованиями.

Поднимаюсь, но только отхожу от двери, как она распаивается, и в мою комнату без стука вламывается младшая сестра.

– О-фи-геть! – пялится на порванный рюкзак. Коварно

улыбается и убегает.

– Адели, нет! Ада, пожалуйста, – бегу за ней.

– Ма-а-ам! – орет этот вредный подросток. – Мама, ну ты где? Ами итальянский рюкзак порвала. Насовсем. Мам!

Мать в юбке-карандаш до колена, блузке и удобных домашних лодочках на небольшом каблучке выходит из кабинета и смотрит на нас, как всегда, чуть свысока.

– Что ты кричишь как рыночная торговка? – строго спрашивает у Аделины. – Тебе врач сказал беречь горло.

– Она рюкзак порвала. – Сестра показывает на меня пальцем.

– Это случайность. – Отпираться и скрывать нет смысла. Мама все равно проверит.

Нахмутив брови и мазнув по мне наигранно равнодушным взглядом, она направляется напрямиком в комнату. Только я знаю, что скрывается за этим. Передернув плечами, иду за ней.

– Какой кошмар! – Двумя пальцами она поднимает с пола тряпочку, еще недавно бывшую дорогой, стильной вещью. – То есть это вот, – трясет рюкзаком в воздухе, – твоя благодарность за подарок, который я выбирала специально для тебя? – хлестко швыряет его в меня. – Для своей чемпионки! Для своей гордости! Так ты относишься ко мне?

– Мама, я не специально, – оправдываюсь. – Правда.

Ненавижу это. Ненавижу, когда она кричит на меня, когда отчитывает, не пытаюсь разобраться в проблеме, без во-

просов и выяснений выставляя меня неблагодарной и виноватой.

– Два балла за контрольную по линейной алгебре ты тоже получила не специально? – Ее голос становится ледяным. Еще немного – и большие окна моей комнаты начнет затягивать зимним узором. И это при том, что на улице весна.

– Я не успела подготовиться, – смотрю ей в глаза, стараясь говорить ровно. – У меня тренировки. Скоро Кубок, мам, – напоминаю ей. – Я живу на льду!

«Только там и живу», – но эта часть мыслей так и остается невысказанной.

– Ты должна успевать все! Глупые отговорки оставь для своих преподавателей. Мне от тебя нужен результат. Мы с отцом с рождения вкладываем в тебя все возможные ресурсы не для того, чтобы ты нас позорила такими низкими результатами. – Делает шаг ко мне, касается подбородка, поднимая мое лицо выше. Обманчиво мягко трет щеку пальцем. – Девочка моя, ты лучшая. Ты должна быть лучшей. Не разочаровывай меня...

– Мама, там пожар! – снова кричит Аделина. – Пожар у Калинина! Mam!

Боже, за ее особенно противное «мам!» мне иногда хочется ей хорошенько двинуть.

– Какой ужас! – Мать всплескивает руками и стремительно выходит из моей комнаты.

Дом бизнесмена Калинина, друга нашей семьи, – челове-

ка, который с детства был рядом со мной, наверное, даже чаще, чем родной отец, – прямо напротив нашего. Там очень много дерева. Его жена фанатка натуральных материалов.

Накинув тонкий вязаный кардиган, выхожу на улицу, чтобы глянуть, что же там на самом деле происходит. Языки пламени уже охватили стены, крышу и перекинулись на отдельно стоящую сауну. Замечаю движение. Через забор друг за другом перемахивают какие-то парни и бегут врассыпную.

К воротам подъезжают пожарные, разматывают шланги и начинают тушение, перекрикиваясь друг с другом. Жар огня, пожирающего дом, опалает кожу, но я все равно ежусь и кутаюсь в кардиган. Очень нервничаю, поэтому немного знобит. К нам подходят соседи из дома рядом. Разговаривают с мамой. Охают, подсчитывают убытки. Подъезжает полицейская машина. Вторая гонит выпрыгнувших с территории пожара парней.

Я застываю, увидев, как открывается дверь и прямо к полицейским и пожарным со двора Калинина выходит еще один парень. Очень коротко стриженный. Рукава свободной рубашки цвета хаки, накинутой поверх белой футболки, закатаны до локтя. Мощные предплечья забиты татуировками. Рисунки также видны на открытой шее и части груди в вырезе футболки. На нем цепочка с медальоном. Он дерзко улыбается и проходится взглядом по собравшимся зрителям. Всего на секунду задерживается на мне, а затем борзо смотрит прямо на полицейских.

– Не двигаться! Не двигаться, я сказал! – орет один из них, выхватив пистолет. – Руки поднял!

– Че ж ты так надрываешься? Я не уйду никуда, – заявляет парень.

– Руки поднял, я тебе говорю, – требует полицейский.

– Окей, если тебе так спокойнее, – медленно поднимает он свои татуированные руки.

Мы снова сталкиваемся взглядом всего на секунду. В его наглых глазах расплавленная сталь и застывшая угроза, но он продолжает улыбаться, чем сильно нервирует полицейских. Ему заламывают руки. Тот, что кричал громче всех, подходит и неожиданно ударяет парня кулаком в лицо, разбивая ему губу. Я покрываюсь мурашками и задерживаю дыхание, увидев кровь. Он ведь крупный, накачанный, мог бы им ответить, но почему-то позволяет тащить себя к машине.

– Животное, – с пренебрежением выплевывает моя мама. Соседи ее поддерживают.

Полицейские не церемонясь заталкивают парня в машину. Он упирается лбом в стекло и пристально смотрит на меня. Дергает правым уголком губ в еще одной борзой улыбке и нагло подмигивает.

– Не смотри на него. Таким место в зверинце, – шипит мать мне в ухо. Разворачивает за плечи и подталкивает в сторону дома.

Глава 2

Данте

«Огонек» – первое, что приходит в голову при виде яркой девочки с длинными рыжими волосами. Символичненько, особенно с учетом случившегося пожара. Женщина с высокомерно поджатыми губами и медью в собранных в ракушку волосах грубо толкает ее в спину, подгоняя в сторону особняка неприличных размеров. Огонек все же успевает оглянуться. Украдкой улыбается, наверное даже не заметив, как это произошло, а я ловлю мощнейший приступ эйфории прямо в груди, будто меня туда ударило солнце. Веду плечами от крайне необычных ощущений и прилипаю лбом к стеклу.

Пока менты, переговариваясь, рассаживаются в служебной машине, я опять смотрю на девушку или девочку – никак не определяю. Забавная она, маленькая, я бы даже сказал, компактная. Глаза красивые. В моей голове по стандарту у рыжей девчонки должны быть зеленые глаза. Классика же! А у этой светлые. То ли серые, то ли в голубизну уходят. Мне из тачки не разглядеть.

Секунда, две, три – и Огонек скрывается за высоким забором, а меня везут в отделение, довольные тем, что удалось мне врезать. Я только усмехаюсь, закатывая глаза и думая,

какие же они идиоты. Выводят из машины. Под конвоем ведут в трехэтажное здание. В коридоре воняет краской и сильно не хватает света. Мрак, темнота...

Придурки в погонах подталкивают меня вперед. Спотыкаюсь об открытую банку с краской. Я ее видел, но создать им тут лишний гемморой – отдельное удовольствие. По бетонному полу растекается жирная зеленая лужа.

– Слепошарый! – вновь пихает меня в спину самый страшный из них.

Резко разворачиваюсь и бью его лбом чуть выше переносицы. Мент глухо стонет и теряется. На меня набрасываются еще двое в попытке скрутить, пока их умный коллега приходит в себя, стирая капающую из носа кровь.

– Да не лапайте вы меня, я не сопротивляюсь! – огрызаюсь на них.

– Ты за это ответишь, выродок! – зло шипит травмированный.

– Что у вас тут... Оу, нехило. – К нам выходит начальник этих бедолаг. – Голиков, умойся сходи, смотреть страшно. Этого сразу ко мне, – кивает на меня.

Входим в его кабинет. Взмахом руки мне указывают на стул.

– Наручники с этого чудовища снимите, – приказывает подполковник.

– Вы уверены, товарищ подполковник? Он же неадекватный! – подает голос один из его людей.

– Данте, ты же не совсем отбитый, чтобы накручивать себе срок? Одно нападение на сотрудника у тебя уже есть. За меня больше дадут.

– Он сам нарвался. – Выдаю каменное выражение лица и кручу головой вправо-влево, разминая шею до хруста в позвонках. – Если что, я могу встречу накатать, – намекаю на свою разбитую губу.

– Будем считать, что по этой части мы с тобой договорились. Снимай браслеты, – командует своему.

За спиной раздается щелчок, шаги, затем мы остаемся один на один с подполковником Рагозиным.

– Итак, Даниил Валерьевич Тимирязев, – растягивая слова, мент лениво бросает на стол мое личное дело. – Третий раз у нас за последние два месяца.

– Скучаю... – скалюсь разбитыми губами.

– Я так и понял, – хмыкает он. – Поэтому каждый раз повод посетить нас становится все интереснее и интереснее. Хулиганство, драка, теперь вот поджог.

– Ложь чистой воды и фантазии твоих оперов, – улыбаюсь шире.

– Тебя взяли на месте пожара. А твои дружки сбежали. Довольный такой, аж бесит!

– Кстати, а ты чего с ними не рванул? – интересуется Рагозин.

– А смысл? – пожимаю плечами, лениво сползая по спинке стула в расслабленную позу. И теперь, приятно скрипнув

зубами, бесится подпол. – Я ни в чем не виноват. Докажешь обратное? – с вызовом смотрю ему в глаза.

Мужика аж передергивает всего. Взгляд тяжелеет, челюсть напрягается, и рука, лежащая поверх моей папки, сжимается в кулак.

– Слышь, ты! – взвинчивается он. – Борзота! – лупит кулаком по столу. – Вы влезли в частное домовладение. Это уже статья!

Закатываю глаза. Тоже мне напугал! А то я не знаю, как это решается.

– Если это все, что ты можешь мне предъявить, товарищ подполковник, то я пойду. Меня дома заждались.

– Не так быстро, Тимирязев. Придется тебе у нас еще задержаться. Сейчас приедет хозяин дома с адвокатом. Напишет заявление.

– Мне ему ручку подержать? – ухмыляюсь.

– Лейтенант! – рывкает Рагозин. – Забери его в камеру! Пока я ему еще пару узоров на рожу не добавил. Гаденыш! Ничего не боится!

– Боятся, товарищ подполковник, те, кому есть что терять. – Поднимаюсь, пока лейтенант опять не начал меня лапать.

– Свобода? – хмыкает он.

– Я вот здесь, – делаю из пальцев пистолет и прижимаю к своему виску, – всегда свободен.

– Ничего. Посмотрим, как ты заговоришь, когда Калинин

приедет, – предельно внимательно смотрит на все еще закрытую папку с моим делом.

Да, день пошел через задницу с самого начала! И сидеть мне здесь долго нельзя, у меня вечером бой в «Клетке». Туда еще надо добраться. Ставки собраны, бабки никто клиентам не возвращает. Надо отработать.

Откинувшись затылком в стену, сижу в камере и прикидываю, как выпутываться из дерьма, в которое вляпался. Вытаскивать меня некому. Я давно уже сам по себе. Лет с десяти меня воспитывали улица и тренер. И если во мне осталось что-то человеческое, то это только его заслуга. Но каждый раз, выходя на ринг, я начинаю сомневаться, что оно там осталось...

– На выход! – Раздражающее эхо бьет прямо по мозгам.

Поднимаюсь, выхожу из своей клетки.

– Молись, Данте. Там Калинин приехал, – шипит мне в затылок осмелевший лейтенант.

Прохожу все по тому же коридору. Пара стажеров вместе с уборщицей оттирают разлитую мной краску. Криво ухмыльнувшись, захожу в кабинет Рагозина. На входе меня тормозит охрана пострадавшего от пожара бизнесмена. Снова лапают. Да чтоб вас!

– Р-р-руки, – рычу, скалясь на мужика в кожаной куртке. – Еще раз тронешь меня – сломаю, – обещаю ему.

Не верит, пытаюсь залезть в карманы свободных штанов. Перехватываю в болевой, выворачиваю, ставлю на колено.

Все в кабинете подрываются со своих мест.

– Сказал же, сломаю! – Давлю сильнее, останавливаясь за мгновение до перелома.

Второй охранник реагирует слишком медленно. На нашем ринге его бы уже убили. Мужик в дорогом костюме поднимает руку, останавливая своего человека. С интересом смотрит на меня.

– Ломай, обещал же, – говорит он.

– Игорь Саныч... – хрипит охранник.

Но «Игорь Саныч» смотрит исключительно на меня. Рагозин нервничает, жестами пытается показать мне, чтобы я отпустил охранника бизнесмена. Нет уж, я так не играю. Свое слово надо держать. И довожу прием до конца. Взвывший от боли мужик в кожанке перестает быть интересным.

– Вышли все, – указывает на дверь «Игорь Саныч». – И этого уберите. Уволен за несоответствие занимаемой должности, – взмахом руки указывает на поломанного мужика.

– Игорь Александрович, – отмирает подполковник.

– Дайте нам пять минут на разговор, – перебивает его Калинин. – Наедине.

Мне уже нравится этот «костюм». Похоже, у меня есть шанс попасть сегодня на бой.

– Почему Данте? – спрашивает Игорь Александрович, как только мы остаемся вдвоем.

– Потому что, – без страха смотрю ему в глаза.

– Я так и подумал, – хмыкает, указывая мне на стул. – Садись, поговорим, – устраивается в кресле подполковника. – Спрашивать, что ты делал в моем доме и кто его поджег, бесполезно? – уточняет он.

– Не я, – складываю руки на груди.

– Кто бы сомневался. Но я же все равно узнаю.

Вскидываю руки, мол, твое право, мне плевать.

– Мое время стоит слишком дорого, чтобы просиживать его в этом убогом месте. Давай сразу к делу. Ты сядешь за проникновение со всеми вытекающими. Взлом, что-то там наверняка пропало...

– Там все сгорело, – напоминаю ему. Ржет. – Или?

– Или ты пишешь мне расписку о том, что должен, – задумчиво стучит ручкой подполковника по столу, – скажем, пятьдесят миллионов. И принимаешь активное участие в восстановлении дома. Разумеется, в свободное от учебы время, или что там у тебя. Заодно присмотришь за рабочими. Знаешь, что-то вроде сторожевой овчарки. Бабки будешь отдавать каждый месяц равными суммами, если на стройке не будет проблем...

– Например? – грубо перебиваю его.

– Например, если больше ничего не сгорит. Я подумаю об амнистии. И возможно, сделаю тебе интересное предложение.

– От которого я не смогу отказаться?

– Уверен, мы договоримся. Триста штук в месяц потя-

нешь? Пятьсот? – прощупывает меня.

– А если нет? – отвечаю ему тем же.

– Мы вернемся к первому варианту. Ты сядешь, Данте.

– Двести, – торгуюсь.

Калинин снова смеется. Находит лист бумаги, толкает его ко мне по столу, сверху кладет синюю шариковую ручку.

Странный тип. Мне его внезапный приступ благородства не очень понятен. В целом эта история с пожаром выглядит все более загадочной от начала и до этой самой точки. Калинин не выглядит глупым, а значит, наверняка понимает, что деньги с меня тянуть такими темпами будет очень и очень долго. Это, конечно, лучше, чем ничего, и меня просто посадят, но вопросов от этого не меньше. Это Игорь Саныч кому-то так не угодил, а я попал под каток? Или все же подставили меня? В любом случае его предложение для меня выгоднее, чем несколько лет за решеткой, а дальше, как говорится, разберемся в процессе.

– Триста. Пиши: «Я, Тимирязев Даниил...» – и кто ты там по отчеству? – заглядывает в папку с моим делом. – Пиши-пиши, парень. И пойдем уже отсюда. У меня дел невпроворот.

Глава 3

Амалия

На улице все еще сильно пахнет гарью. Она оседает на языке неприятной горечью. В воздухе летают черные хлопья останков некогда красивого дома, наполненного приятным запахом дерева. Они прилипают к моей белой блузке. Аккуратно сдуваю, но маленький черный мазок все же остается.

Переодеваться уже некогда. Я после тренировки до трех часов ночи зубрила эту дурацкую алгебру, чтобы сегодня пересдать контрольную. Проспала, но мать все равно заставила сесть за стол и позавтракать. У меня режим. Она следит за тем, что я ем, сколько и когда. Поэтому сейчас остается сесть в машину и поехать на учебу.

Дядя Леня тушит сигарету, улыбается мне и открывает заднюю дверь.

– Доброе утро, Ами! – Вынимает из кармана карамельку и вкладывает мне в ладонь как маленькой.

– Спасибо. – Закусив губу, сжимаю конфету в кулаке.

От одной точно ничего не будет, но внутренняя тревога становится препятствием для нарушения правил. Прячу карамельку в карман другого рюкзака, пока целого, и застываю взглядом на знакомом с детства пейзаже. У меня есть несколько минут, чтобы настроиться на этот день.

У колледжа обычная утренняя суэта. На крыльце смеются девочки из нашей группы, курят парни, тискаются какие-то парочки. Я учусь здесь, потому что недобрала баллов для поступления в университет по той же дурацкой математике во время ЕГЭ. Мне легко даются гуманитарные науки, а физика, алгебра, геометрия... там я начинаю чувствовать себя тупой. Репетиторы возможны только летом или во время новогодних каникул. Отец мог решить вопрос с моим поступлением, но мама была категорически против. Наш экономический колледж славится довольно сильными педагогами, учат даже преподаватели из вузов. Мама решила, что такой опыт будет мне полезен, и я оказалась здесь.

Сложно спорить с семьей, которая, помимо всего прочего, спонсирует тебя как спортсмена. А я люблю лед и боюсь его потерять. Там я могу быть собой. Там я сильная, уверенная в каждом своем шаге. Там я знаю себе цену. Иногда мне кажется, что я живу две жизни. Первая – это фигурное катание, мечты, связанные с ним: тренерская работа, выступления с ледовыми шоу в разных городах страны или мира. А вторая – чужая, где девушка, очень похожая на меня, получает экономическое образование, чувствуя себя изгоем в колледже, и часто боится возвращаться домой.

– Хорошего дня, Ами, – желает мне добрый дядя Леня.

«Вот бы он меня удочерил! – иногда думаю я. – Хотя бы на время».

Выхожу из машины. Поправляю лямку рюкзака и, стара-

ьясь ни на кого не смотреть, торопливо взбегаю по ступенькам. Хорошо, что этот учебный год скоро закончится. Я целое лето не увижу всех этих людей, а там, может быть, смогу уговорить отца дать мне возможность поступить в университет спорта в столице. Там очень крутая учебная программа, она построена как раз на том, что большинство студентов причастны к тому или иному виду спорта. В университете учатся и боксеры, и футболисты, гимнастки, пловцы. И фигуристы тоже есть. Я хочу к ним!

А здесь меня не понимают и никогда не поймут. Я не курю и не пью алкоголь, ем по часам то, что лежит у меня в контейнерах, и на физкультуре сделаю любого из них, в то время как одноклассники предпочтут всеми силами откосить от занятия. За это меня считают выскочкой. А еще тупой, потому что у выбранной родителями специальности уклон в точные науки, в которых я сильно проседаю.

Делаю шаг в кабинет, но меня за рюкзак грубо оттаскивают назад и отшвыривают к стене.

– Тупицы заходят последними, – больно придавив мне плечо, говорит одна из девочек и снова дергает за рюкзак.

Он падает. Его поднимает другая девочка. Открывает замок и вынимает оттуда контейнер с обедом.

– Что тебе сегодня мамочка положила? Фу-у! – Открыв крышку, она принюхивается к свежему салату с курицей и семенами чиа.

Это вкусно, между прочим! Даже с учетом того, что там

почти нет соли.

– Вонючая преснятина. А говорят, что богатенькие хорошо питаются. Рыжая, ты уверена, что хочешь это есть? – кривится девушка.

– Положи на место! – требую я.

– Ладно. – Она пожимает плечами и переворачивает контейнер. Салат летит на бетонный пол. – Упс, – кидает туда же контейнер. – Ну ты же сама донесешь это до нужного места. Помойка за углом.

– Себя тоже можешь там оставить, – говорит та, что меня толкнула.

Они громко смеются, входят в аудиторию и демонстративно хлопают дверью. Зажав рот ладонями, чтобы не расплакаться от досады, дышу глубже и иду искать уборщицу, пока не получила от преподавателя. Эти ведь обязательно скажут, что я сама все устроила.

– Хоть бы охрану к тебе приставили, что ли, – вздыхает наша техничка. – Ну что это такое? – сокрушенно вскидывает руки и роняет их вдоль тела.

В этом нет необходимости, так считает моя семья.

– Иди, девочка, – отпускает меня уборщица. – Я приберу.

– Спасибо! – В порыве искренней благодарности глажу ее по плечу и вхожу в аудиторию.

С лекции ухожу последней, чтобы снова не нарваться на агрессивных одноклассниц. У меня встреча с преподавателем по линейной алгебре. Мама договорилась и поручилась

за меня. Попробуй теперь облажаться! Сожрут вместе с косточками!

И пока все отдыхают, я быстро переписываю контрольную, надеясь, что все сделала правильно. Когда же наступает конец еще одного ужасного дня, я совсем неэстетично плюхаюсь на заднее сиденье семейного автомобиля, забиваюсь в угол и закрываю глаза.

– Дядя Леня, выключите музыку, пожалуйста, – прошу его. – Очень хочу тишины.

Он выключает радио, и меня сначала оглушает тишина, а потом резко становится хорошо. Есть только очень хочется, но это точно можно пережить. Тренировки сегодня нет. Нам дали выходной за то, что вчера мы выложились больше чем на полную, а мышцам обязательно нужен отдых, иначе будут травмы. Вспоминаю про карамельку, которую получила утром в подарок. Улыбаюсь, разворачиваю прозрачную хрустящую обертку и закидываю конфету в рот. Сладость приятно обволакивает язык, и я улыбаюсь шире, почти не чувствуя угрызений совести – ведь обед у меня не случилось.

Возле дома Калинина стоит большая машина. В нее рабочие грузят то, что осталось от дома. На мою блузку снова садится черный пепел, но я застываю, так и не смахнув его. С территории особняка выходит тот самый парень в татуировках. Полуголый! Проглотив остатки конфетки, хлопаю ресницами, бессовестно разглядывая перекачывающиеся канаты натренированных мышц под блестящей от пота кожей.

Из одежды на парне только армейские штаны, грубые ботинки и черная с белыми черепами бандана. Смотрится устрашающе. Он поводит мощными плечами и исчезает в воротах. Несет оттуда какую-то балку, устроив ее на левом плече и играючи придерживая пальцами, будто она ничего не весит. Мой вес для такого, наверное, покажется совсем несущественным. Как тот самый пепел, что кружится сегодня в воздухе.

Парень кидает балку в машину, вытирает ладони о штаны и оглядывается на меня. Снова мимолетный взгляд глаза в глаза. Его кривая ухмылка. И он отворачивается, показывая, что ему совсем не интересна такая, как я.

Разворачиваюсь к нашим воротам и кожей ощущаю: смотрит. Резко поворачиваю голову. Нет. Говорит с кем-то из рабочих, стоя ко мне влоборота. Сердце отчего-то стучит сильнее, а щеки опалает жаром. Прикладываю к ним ладошку, поправляю снова съехавший рюкзак и иду в дом.

Во мне горит любопытство, и я торопливо ем, пока не видит мама. Беру из подставки с фруктами крупное зеленое яблоко, поднимаюсь к себе в комнату. Забираюсь с книгой на подоконник, впиваюсь зубами в хрустящую, сочную, кисло-сладкую мякоть и иногда подглядываю в окно за тем, как этот гигант, перепачканный сажей, помогает расчищать место пожара. Поднимает взгляд на наши окна, и мое сердце снова уносится куда-то в другую вселенную.

– И что это такое? – спрашиваю сама у себя. А он уже

снова не смотрит...

Глава 4

Данте

Смешная...

От нашей игры в гляделки грудь снова обжигает приятным теплом. Не помню, когда в последний раз меня тянуло улыбаться. Прячу эмоцию за привычной циничной ухмылкой. Оказавшегося на моем пути мужика передергивает. Он роняет себе под ноги пару обгорелых досок, чертыхается, перешагивает через них и идет дальше. Выхожу вслед за ним к загруженной машине. Поднимаю борт, фиксирую тент и отпускаю водителя. Примерно через час он вернется. Мы пока успеем разобрать еще часть почерневшего каркаса какой-то постройки.

Я все время смотрю себе под ноги, натыкаясь то на осколки, то на расплавленный пластик какой-то техники, шаг за шагом вспоминая наш вчерашний загул. У Серого день рождения, а бабок на аренду нормального дома нет. Откуда они у обычного курьера, да еще в маленьком городе? У нас только цены столичные, а зарплаты провинциальные. У меня тоже случился напряг с деньгами по своим причинам. Я ему еще подарок должен. Был. До того как он меня кинул. И мне плевать на причины их побега. В итоге я здесь, отрабатываю непонятный долг, а он развозит заказы по клиентам. Хрено-

вая вышла дружба, но на другую я давно не рассчитываю.

Сергея в этот район тоже приезжает, тут у него постоянные клиенты. И вот он нас заверял, что хозяина точно не будет, а влезть в дом не так уж и трудно. Затея оказалась довольно азартной. Хапнуть адреналина, потусить с пацанами. Почему нет?

Я практически не пью. С моими нагрузками это фатальная история. Пара банок легкого пива в редкие выходные. И то не всегда. Так что я был вменяем до самого конца. Точно помню, что пожар начался с задней части дома и очень-очень быстро стал охватывать все пространство. Откуда взялся огонь? По камерам тоже не помотришь. Все компы и серверы в утиль, как и все на территории Калинина. Попахивает... Да нет, воняет откровенной подставой! Если свои – им лучше уехать из города, из страны куда подальше!

Где там мое солнце? Снова поднимаю взгляд на окна дома напротив. Даже занавески закрыла. Жаль. От нее тепло. Мне нравится. А еще я хочу знать, какого все же цвета глаза у этого забавного Огонька. Голубые или серые?

Мужики стоят в стороне, курят и обсуждают футбол.

– Будешь? – Один предлагает мне сигарету.

– Не курю, – морщусь я.

– Спортсмен, что ли? – оценивающе смотрят на мое телосложение.

– Можно и так сказать.

Прислонившись голой спиной к бетонному столбу и шу-

рять, гипнотизирую закрытые занавески. Огонек высовывает свой любопытный нос в окно. Видит меня. Улыбаюсь, а она застывает и отскакивает, а я смеюсь под удивленными взглядами мужиков из бригады. Маленькая трусишка! Я близко не подойду, не бойся.

Там у нее в комнате что-то происходит. Занавеска то и дело дергается. Ворота открываются. Водитель или охранник, черт их разберешь, выгоняет машину на улицу. Присев на корточки, опираюсь затылком о столб. Прикрываю глаза и сквозь ресницы смотрю, как выходит Снежная королева – мать семейства, за ней в брючном костюме, задрав нос, семенит еще одно неприятное создание, так похожее на свою родительницу.

– Мам, – долетает до меня. – Ну мама! Почему мне нельзя было то голубое платье? Почему она в нем поедет? – ноет девчонка.

– Потому что оно идеально подходит к ее глазам. Садись в машину. Не устраивай сцен на улице.

Мне достается еще один колючий взгляд Снежной королевы. Мне кажется, что, будь ее воля, она вызвала бы дезинсекторов, чтобы нас всех отсюда вытравить. Так смешно за этим наблюдать. Я скалюсь, она резко вздергивает голову выше и подталкивает дочь к машине.

– Амалия, ну где ты там? – смотрит во двор.

М-м-м, так вот как зовут Огонька. А-ма-ли-я.

– Вау, – выдыхаю, увидев спешащую по дорожке девушку

в платье цвета весеннего неба.

Юбка рваными краями где-то касается икр, где-то колена и похожа на перевернутый цветок. Тонкие бретельки подчеркивают узкие плечи и красивые длинные руки, а я думаю, что через пару часов эта девочка замерзнет в таком виде. Что в голове у ее пришибленной матери?

Рыжие волосы Огонька собраны в прическу, и лишь пара прядей, которые заметно короче остальных, тугими пружинками касаются бледного лица. Опять слишком далеко. Я не могу поймать точный оттенок ее глаз, и хотя уверен, это платье к ним точно подходит, но я бы накинул на ее плечи куртку... Цокая каблучками серебряных босоножек, Огонек доходит до матери и получает тихий выговор, судя по мимике женщины. Бледнеет.

«Посмотри на меня, – мысленно прошу ее. – Ты же знаешь, что я все еще тут». Огонек идет к машине. Водитель открывает для нее дверь. Она находит меня, случайно обернувшись. Или почувствовав, что я смотрю слишком пристально. Ее щеки меняют оттенок на розовый, а я отворачиваюсь, чтобы наша странная игра не стала слишком очевидной.

Еще около трех часов после их отъезда мы разбираем место пожара и расходимся. Так вышло, что сегодня вечером у меня снова бой. Один из бойцов внезапно выбыл на время, а мне теперь бабки нужны позарез, так что я договорился с Ильханом, одним из владельцев «Клетки», что заберу это окно себе.

Он предлагал дать бабла в долг. Но я лучше буду должен Калинину, чем ему. Это все равно что подписаться на пожизненное рабство. Илхан давно ищет способ привязать меня к клубу, но однажды я пришел туда сам, поэтому не принадлежу никому из них.

Еду сначала домой. Ну как домой? Старая дача на другом конце города. Вместо дома – вагончик, сортир на улице. Из мебели односпальная кровать, компьютерный стол, пара книжных полок в этом же углу, а в другом что-то вроде кухни с необходимым минимумом и самодельный душ.

Во дворе среди таких же старых фруктовых деревьев у меня оборудован тренировочный плац и парковочное место моей повидавшей жизнь «бэхи». Зато весь этот шик и блеск только мои. От бабушки по наследству достался, предки продать не смогли. Я из интерната сразу переехал сюда. Так что, наверное, это место все же можно назвать домом, хоть и с натяжкой.

Смыв с себя пот и сажу, ныряю в ворот белой футболки. Застегиваю ремень на штанах «белая ночь» с удобными карманами чуть выше колена. Затягиваю шнуровку на берцах. В спортивную сумку складываю высушенную форму, сверху кладу маску, бутылку с водой, напичканной витаминами, аптечку. Простые правила, которые помогают выжить в таком месте, как бойцовский клуб «Клетка». Даже ватные тампоны и перекись лучше иметь свои.

Закрыв вагончик, сажусь в тачку и гоню в сторону столи-

цы. Встаю в круглосуточную пробку на въезде. Она заложена в общий тайминг перемещения. Потом ловлю еще одну. И еще. В итоге добираюсь до места, когда все уже началось, но я не первый выхожу. Там на разогреве пацаны послабее бьются. Есть время на подготовку.

– Здорово, – поочередно жму руки охранникам на входе.

Обхожу гостей, разместившихся в ложах и за столиками в зале. Чем меньше народу меня сейчас видит, тем лучше. В раздевалке готовятся очередные бойцы. Здесь уже другой принцип. Человек человеку зверь, но с некоторыми мы нормально общаемся. И то только потому, что нас не ставят друг против друга. Но все может измениться в любой момент.

Парни выходят, я остаюсь один. Переодеваюсь в удобные шорты, меняю носки на гетры, сверху – защита на колени и локти. Торс голый, чтобы ухватить было не за что. Да и элемент шоу. Мои татуировки возбуждают женщин и впечатляют мужиков. За это тоже платят. Здесь вообще за многое платят...

Разогреваюсь. Достаю из сумки маску.

– Дан-те. – Теплые женские руки скользят по прессу.

– Это мужская раздевалка, Дана, – закрываю глаза.

Весь настрой мне сбивает, дура!

– Все уже вышли, – мурлычет в лопатки. Ее ладонь скользит по шортам. – Ты же хочешь меня...

– Я не занимаюсь сексом перед боем. Это правило, – напоминаю ей.

– Так много правил... – хнычет она.

Да, у меня много правил. Иначе сдох бы здесь в первую же неделю, а я бьюсь в этом клубе уже полгода.

– Благодаря им я все еще жив, – надеваю маску, пока фиксирую на подбородке, чтобы не мешала говорить.

Выхожу в зал. Там большой босс собственной персоной. Замечает меня. Зовет, подняв руку:

– Данте, иди сюда. Разговор есть.

– Мне за разговоры не платят, – ухмыляюсь, снова стянув маску на подбородок.

– Умный, да? – улыбается Ильхан.

– Не жалуюсь, – смеюсь и протягиваю ему ладонь.

Пожимает и кивает мне в сторону своего кабинета:

– Пойдем. Это надо решить до боя.

Глава 5

Данте

Ильхан вальяжно разваливается в кресле с высокой спинкой, всем своим видом показывая, кто здесь хозяин. Взмахом руки позволяет мне сесть. Усмехнувшись, копирую его позу на стуле напротив.

– Ты знаешь про НХЛ – ночную хоккейную лигу?

Моргаю, думая, что мне послышалось.

– Допустим, – качаю головой.

– У меня старший брат решил поиграть в это дело. Обратился за помощью. А я не могу отказать брату в такой малости. Да и тебе бабки нужны, как выяснилось. Есть вариант заработать.

– Рассказывай. – Складываю руки на груди.

– Хоккей – игра силовая. Брат хочет сильного бойца, который потренирует его команду в зале и подтянет как по силовым приемам, так и по защите от них. Я хочу, чтобы ты это сделал. Тем более тренируются они в нашем ледовом.

– Ильхан, я ни черта не знаю про хоккей, кроме каких-то общеизвестных вещей.

– Тебе не надо ничего знать про хоккей, Данте. Твоя задача – укрепить команду перед игрой, научить ее драться. – Сжав ладони в кулаки, он ударяет ими по столу.

– Зачем? Это же любительская лига, – напоминаю я. – Твой брат хочет покалечить менеджеров и таксистов?

– Мой брат хочет выиграть. Пара-тройка тренировок за хорошие бабки. От тебя больше ничего не требуется. Неплохо было бы оценить такой подгон, – хмыкает он.

– Твои подгоны обычно стоят очень дорого, – открыто говорю ему.

– Я не полезу в это, если брат останется доволен. Рассчитываться с тобой тоже будет он.

– Почему это нельзя было обсудить после боя? – Пробегаю пальцами по подлокотникам и тяну руки, чтобы мышцы не застаивались.

– Потому что это не все. – Ильхан достает сигареты и закуривает прямо в комнате. – Мне передали, что одна постоянная клиентка желает купить ночь с моим лучшим бойцом.

– Нет, – категорично отвечаю. – Это не по адресу, ты знаешь.

– Она очень настойчива, Данте, – пошло ухмыляется Ильхан.

– Отдай ей кого-то другого. Я на такое не подписывался. Мне пора на ринг, – поднимаюсь.

– Данте, – зовет босс, – ты уверен?

– Абсолютно. Это бойцовский клуб, а не бордель, – ухожу, слыша, как он смеется мне в спину. Ильхан зарабатывает на всем. В его царстве можно продать и купить эмоции, жизнь, секс...

Передернув плечами, выхожу в зал, напрямиком к знаменитой в узких кругах клетке – огороженному высокими сетчатыми стенами рингу. Шагнув внутрь, ты подписываешься под тем, что можешь больше оттуда не выйти. В клетке существуют только те правила, которые каждый боец определяет для себя сам исключительно с одной целью – не сдохнуть, не поломаться.

Это шоу не для слабонервных. И тем сильнее я, попав сюда, удивился присутствию приличного количества женщин, которые не отрываясь следят за происходящим внутри клетки. У них есть свои фавориты. Они готовы хорошо за них платить.

Встаю перед входом, надеваю устрашающего вида маску, закрывающую нижнюю часть лица. Несколько раз подпрыгиваю на месте, встряхиваясь всем телом. Делаю наклоны головой, тянусь. Дверь клетки открывается. Я первым захожу в нее. Сжав ладони в кулаки, поднимаю руки под рев ликующей толпы, уже накачанной адреналином. Их глаза немного безумны, они готовы тратить больше, орать громче.

– Убей сегодня кого-нибудь! Давай! – летит из толпы.

Отхожу в сторону, пропуская в центр ринга своего соперника. Его тоже приветствуют. Мы ходим по кругу, как два диких зверя, чтобы на нас могли вдоволь насмотреться. Делаем выпады друг к другу, отлетаем в стороны. Народ заводится еще сильнее.

Опытные оба. Знаем, как работать на этой сцене.

– Бой! – раздается команда, и шоу превращается в битву. Удары летят везде. Голова, печень, почки, горло.

Ильхан не любит, когда я выношу соперников быстро. Приходится растягивать эту игру на несколько раундов, чтобы народ наслаждался процессом.

В подходящий момент быстро уворачиваюсь, пригибаюсь, делаю грамотный выпад и роняю соперника под себя. Беру в болевой, перехватываю за шею, придушивая, чтобы отрубился, но не сдох.

– Данте! Данте! – кто-то выкрикивает из зала.

– И снова наш чемпион одержал красивую, мощную победу! – орет в микрофон ведущий, поднимая мою руку.

А я не чувствую себя здесь чемпионом, скорее просто выжившим. Достижения, звания, медали... все это осталось за бортом моей реальности.

Ухожу с ринга, тру места, по которым ощутимо прилетело от соперника. В голову он мне разок зарядил, но так, по касательной, я успел уйти в защиту. Нормально все прошло в целом. Ставлю себе четыре балла по пятибалльной и ухожу в душ, потом за своим процентом и номером телефона старшего брата Ильхана.

Выхожу на улицу, набираю его.

– Доброй ночи, я по поводу ваших тренировок. У меня завтра есть время после четырех. Можем встретиться, – говорю сразу о делах.

– В шесть в Ледовом дворце, – назначает он встречу.

– Окей. – Отбиваюсь, сажусь в тачку и еду спать.

Устал так, что глаза закрываются на каждом светофоре. Добираюсь, снимаю шмотки и падаю лицом в подушку. С утра тело напоминает о вчерашнем бое. На ребрах синяк, чуть выше поясницы тоже отметина. Мышцы требуют отдыха, и я даю им совсем легкую нагрузку в виде обычной утренней разминки.

Пока завтракаю, успеваю сделать пару заданий для университета. У меня сегодня всего две пары. Оттуда к Калинину, потом в Ледовый, но перед встречей возвращаюсь домой, чтобы смыть с себя сажу и быстро перекусить.

Еду через местный супермаркет. Захожу за водой и в отдел игрушек. Кидаю в корзину две машинки для младших братьев и розового плюшевого медведя. Как передать его Огоньку, пока не представляю. Потом решу. Хочется мне, чтобы она еще улыбнулась. Девчонки вроде любят мягких медведей... Ей совсем не нужно знать, от кого он.

Доезжаю до нашего Ледового, встречаюсь с братом Ильхана, сразу оценивая физическое состояние его команды. Они хотят поработать в зале? Не вопрос. Идем туда, гоняю их, пока легкие не начинают свистеть. Потом мы обозначаем квадрат в зале так, чтобы у него была хотя бы одна реальная стена.

– Это борт, – говорю я, хлопая ладонью по стенке. – Один пытается впечатать туда другого. Второй соответственно делает все, чтобы этого не случилось. Пока пробуйте сами. Надо понимать ваши возможности.

Уматываю мужиков так, что они стоят уже из чистого упрямства.

– Ладно, все на сегодня. Я примерно понял, что с вами делать. Завтра покажу.

Они устало кивают и как-то тоскливо смотрят на своего капитана. Тот непреклонен в желании победить и переводит мне деньги за первое занятие. Не так чтобы много, но лучше, чем ничего.

Попрощавшись с ними, выхожу в коридор. Брожу по его лабиринтам и останавливаюсь у приоткрытых двустворчатых дверей. Там явно идет тренировка. Заглядываю, сам не понимая, зачем мне это надо, но замираю, увидев, как Огонек в черном блестящем костюме рассекает лед.

– Чтоб меня... – вырывается у меня. – Воу! – Офигеваю снова, когда она прыгает и несколько раз прокручивается в воздухе. Мотор замирает вместе со мной и начинает биться только после ее приземления. – Какая ты... интересная девочка!

– Молодой человек, – обращаются ко мне.

Оглядываюсь. Местный охранник.

– Во время тренировочного процесса посторонним тут находиться нельзя, – поясняет он.

– Извините, уже ухожу.

Оглядываюсь еще несколько раз, но Огонек далеко, на другом конце коробки. Отсюда я могу только слышать, как она двигается по льду.

Охранник провожает меня до выхода. Пока он не видит, я скрываюсь в другом коридоре и ищу раздевалку. Где-то же эта девочка переодевается!

Приходится вернуться к исходной точке и от нее по указателям выйти к небольшой комнатке. Стучу – никто не отзывается. Дергаю за ручку – не заперто, и в раздевалке никого. Только знакомый рюкзак на скамейке и короткая курточка рядом. Торопилась, наверное. Не убрала.

Достаю из своего рюкзака медведя. Беру куртку. От нее тянется приятный шлейф легких духов. Ну вот, Огонек. Теперь я знаю, как тебя зовут, как ты пахнешь и чем занимаешься, но все еще не знаю, какого цвета у тебя глаза. Прячу свой подарок под ее куртку и быстро ухожу, пока меня не увидели.

Глава 6

Амалия

И еще один заход на вращение. Разгон, гибкое левое колено. Раскручиваю себя правой ногой и, набирая обороты, сажусь на левую ногу, вытягивая вперед правую. Плавно поднимаюсь, делая красивый прокат, и встаю обеими ногами на лед, довольно улыбаясь.

Качусь к тренерскому штабу за замечаниями. Зная Розу Марковну, уверена, что они обязательно будут. Она строга и внимательна к деталям. Ее школа фигурного катания считается одной из лучших и дорогих. В одном из интервью ее спросили, почему последние несколько лет она тренирует не в столице, ведь там, как водится, все больше и лучше. На что Роза Марковна Таль ответила: «Хороший тренер может работать где угодно. Даже на замерзшей сельской реке возможно вырастить чемпиона, если есть желание и характер. А если этого нет, то нам не по пути».

Что на самом деле произошло в столичном Ледовом, никто не знает. Кто-то говорит про конфликт с администрацией, а кто-то – что там замешан мужчина. Не знаю, но, когда наша база перебралась в мой родной городок, мне и еще нескольким местным девочкам стало легче.

Роза Марковна и сейчас проводит тренировки в столич-

ном дворце, ее приглашают для консультаций в молодые школы, но все же наш «дом» теперь здесь. И я люблю его всем сердцем.

– Недокрутила риттбергер, – загибает пальцы главный тренер, выделив день на индивидуальную тренировку.

Обычные занятия проводятся в группах с индивидуалками в процессе, а перед крупными соревнованиями Роза Марковна выделяет время для каждой своей спортсменки, чтобы без помех откорректировать нюансы.

– Во вращении с руками у тебя что было, Разумовская? – с ироничной насмешкой дергает идеальной темной бровью. – Ты тянуть их разучилась внезапно?

– Исправлюсь.

– У тебя выбор есть? – Сложив руки на груди, Роза Марковна смотрит на меня с некоторой кровожадностью. – Пять минут подыши, покатайся, и еще один прогон. Ты учти, Амалия, я под тебя время выделила и лед забронировала до десяти вечера. Так что мы с тобой отсюда не уйдем, пока не прыгнешь так, как умеешь только ты!

– Я сделаю, – обещаю и ей и себе.

Откатываюсь от бортика и делаю пару легких прокатов, чтобы отдышаться, но быть готовой по команде начать отработку элементов программы.

– Готова? – эхом надо льдом гремит голос тренера.

Встаю на точку, киваю. Включается музыка, и, начиная с хореографических элементов, я ускоряюсь. Захожу на пры-

жок, отрываюсь от льда, кручу в воздухе нужное количество оборотов и приземляюсь, чувствуя, как сильно-сильно колотится сердце. Вот теперь докрутила. Еще один прыжок, через короткую дорожку шагов еще один, а потом красивый хореографический выход. Плавные движения, изгибы, наклоны под музыку. Чувствуешь себя чем-то единым со льдом. Блестки на тренировочном костюме играют в свете ламп, расположенных высоко под потолком. Для тренировок можно выбирать что-то попроще, но мне так хочется чувствовать себя красивой! Здесь у меня есть такая возможность.

Ласточка с переходом в вертикальный шпагат. Ставлю обе ноги на лед. Делаю плавный оборот вокруг своей оси, чтобы незаметно подготовить тело к следующему элементу и... скоростное вращение с поднятыми руками. Выхожу из него, продолжая двигаться в поставленной для меня программе. Короткие прыжки с оборотами, разгон, заход на круг, и, вонзив зубец в лед, снова взрываюсь вверх, закручивая четверной тулуп и приземляясь на другую ногу. И снова докрутила! Тренировка будто маленькое соревнование с самой собой. Каждый раз вызов своим возможностям.

Завершаю программу. Дышу, глядя на тренера. Она не выказывает никаких эмоций, зато один из наших хореографов, Милена Павелецкая, незаметно для всех поднимает большой палец вверх.

Подъезжаю к тренеру, упираясь обеими ладонями в бортик.

– То есть без пинка никак, да? – хмыкает Роза Марковна. Спорить с тренером бессмысленно. Просто пожимаю плечами.

– Ладно. Все на сегодня. Спасибо, что не стала держать нас здесь до десяти, – с сарказмом заявляет она.

Выхожу в коридор. Тренеры за мной.

– Разумовская, – неожиданно окрикает Роза Марковна. Оглядываюсь.

– Хорошо, – все же дает свою оценку последнему прокату.

– Спасибо, – счастливо улыбаюсь ей.

Она только отмахивается и уходит вместе со своей командой в противоположную сторону от раздевалок, а я почти бегу переодеваться. У меня еще осталось время в запасе, можно погулять. Мама ведь думает, что я буду на тренировке до упора.

Принимаю душ, заплетаю волосы в косу. Надеваю широкие длинные брюки насыщенно-зеленого цвета, больше похожие на юбку, белую футболку и кеды. Беру курточку, а со скамейки на пол вдруг падает непонятно откуда взявшийся плюшевый мишка. Забавный, розовый.

– Ты откуда здесь? – удивленно поднимаю его и сминаю мягкое тельце с белым пузиком. Отряхиваю на всякий случай. – Тебя точно тут не было. Для меня? – смущенно кусаю губы.

Под кожей становится щекотно. Рассмеявшись от этого приятного ощущения, накидываю куртку на плечи, забираю

рюкзак и, прижав к себе медвежонка, иду к выходу из дворца, пытаюсь разобраться, кто мог бы мне его подложить.

Никаких вариантов. А если... Да нет, сын Павелецких не мог. Зачем ему? Мы даже не общаемся толком. Только когда он к родителям в зал для хореографии заглядывает после своих хоккейных тренировок. Поздоровается со всеми, порычит на семью и сваливает. Мне бы, наверное, и не хотелось, чтобы от него. Натан в прошлом году пытался приставать, а потом быстро переключился на Олю Василевскую из нашей группы.

Глупо, конечно, но хочется, чтобы этот подарок был от того странного парня, разрисованного татуировками. Представляю, как он покупает этого медведя, и снова улыбаюсь. Было бы очень весело, только это слишком нереально.

Утыкаюсь носом в мягкую розовую макушку между круглых ушек. Вдыхаю, улавливая едва заметный запах, прилипший к медведю. Я даже распознать его не могу – слишком слабый, а щеки почему-то горят. Глупость какая-то! Мне что, после соревнований игрушек не дарили? Выпускать мишку из рук все равно не хочется, и я иду по улице, продолжая прижимать его к себе.

Дядя Леня позвонит, как будет выезжать. Мы с ним договорились. Спокойно выхожу на улицу, где меня точно не увидит никто из знакомых мамы. Тут притаилось совсем небольшое семейное кафе. Покупаю у них самый вкусный в городе фруктовый чай и бреду дальше, разглядывая город и насла-

ждаешь минутами свободы.

Все портит трезвонящий в кармашке рюкзака телефон. На маму стоит отдельная мелодия, так что я всегда точно знаю, что звонит именно она, если телефон не на режиме вибрации.

– Да? – остановившись, осторожно отвечаю.

– Ты еще в Ледовом? – Очень подозрительный вопрос. Вся приятная щекотка под кожей исчезает. Вместо нее появляется покалывание.

Солгать? А если она уже во дворце? А если разговаривала с Розой Марковной? Хочется хныкать и топтать ногами от досады. Моя прогулка слишком быстро заканчивается.

– Нет, – говорю правду.

– Как интересно. И где тебя носит? – режет меня надменным тоном.

– Пройтись немного решила. Такая погода хорошая. – И снова правда. А что делать?

– То есть на учебу у тебя времени нет, а на то, чтобы шляться по городу, его предостаточно? – Представляю, как она сейчас стучит своими идеальными ногтями по дорогому лакированному пианино, стоящему в нашем доме просто так.

Нет, иногда его терзает Аделина, но лучше бы не трогала. Никогда. Мать мечтает вырастить из младшей сестры великого музыканта и меняет ей частных педагогов, пытаюсь найти того, у которого наконец получится невозможное.

– Мам, ну я же совсем немного. Мне иногда надо...

– Что тебе надо, Ами?! – повышает голос. – Все, что тебе сейчас надо, – это готовиться к Кубку и закрыть все свои долги в колледже. Я сейчас сама за тобой приеду.

– Ну ма-а-ам...

Она отключается, а я, обреченно вздохнув, ставлю на бордюр стакан с чаем, чтобы спрятать в рюкзак медведя. Возвращаюсь к входу в Ледовый. Приходится ждать. Стою на месте и уже без настроения.

Мама иногда водит сама. Отец недавно поменял ей машину. Она важно паркуется, перекрывая часть въезда на территорию дворца, и недовольно смотрит на меня, жестом показывая, чтобы я поторопилась.

– Привет, – выдохнув, сажусь вперед.

– Что это за дрянь? – Мама забирает у меня стакан с остатками чая.

– Вкусно, – тихо отвечаю.

Брезгливо поморщившись, она снимает крышку и заглядывает в стакан так, будто там кошачья моча вместо чая.

– Выброси, – возвращает стакан мне.

Выбравшись из машины, доношу его до урны и возвращаюсь, вновь устраиваясь рядом с мамой.

– Ты, – выворачивая на дорогу, она снова смотрит на меня, – вчера не нагулялась?

– Мы весь вечер просидели в квартире, – напоминаю ей о поездке в гости к семье нашего дяди. – А я хочу...

– Даже не начинай, – небрежно отмахивается мама.

Отвернувшись к окну, решаю не продолжать этот бессмысленный разговор. Все равно есть только мамино мнение. Она называет это заботой о нас и нашем будущем.

В полной тишине въезжаем в Красные Зори. Сворачиваем на нашу улицу. С сожалением смотрю на то, что было домом Калинина. Там уже никого нет. Ни рабочих, ни того парня. Надо перестать о нем думать! Ну это же правда ерунда. Он такой весь из себя... А я... другая. Просто другая, и все.

Поднимаюсь к себе в комнату. На ужин позовут немного позже. Есть время, чтобы переодеться и глянуть расписание занятий на завтра. Вынимаю из рюкзака медведя и сажаю на кровать, а сама в бриджах и тунике устраиваюсь за ноутбуком.

– Точно, с последней пары мне завтра придется уйти, – заключаю, сверяясь с расписанием тренировочного дня.

Дверь нагло распаивается.

– Уйди отсюда, – ругаюсь на Аделину, опять ввалившуюся в мою комнату без разрешения.

– А я сегодня две пятерки принесла, и мама разрешила мне в выходные поехать с подружками в столицу, – хвастается она.

– Все равно выйди отсюда, – швыряю в нее ластиком.

– Ой, а что это за уродец? – Подбегает к кровати и хватается моего медведя.

– Не смей! – подскакиваю со стула. – Отдай сейчас же! –

требую я.

– А если не отдам? – дразнит сестра, отпрыгивая к дверному проему.

Оказываюсь рядом и выдергиваю игрушку из ее рук. Ада ударяется локтем о косяк и начинает орать. Скорее всего, удар пришелся на нерв, но она все равно переигрывает. Боже, мне иногда кажется, что ей семь!

– Дура! – топает ногой. – У меня теперь синяк будет. Ма-а-ам!

– Я тебя сейчас прибью, – шиплю на сестру.

– Мама, меня Ами ударила и угрожает теперь! Мам, я ее боюсь! – Истерично вопя, это четырнадцатилетнее капризное недоразумение опять бежит жаловаться.

Ей просто в кайф, когда мне достается. Она так самоутверждается. Через пять минут мама приходит ко мне в комнату.

– Что произошло? – спрашивает у меня как у старшей.

– Ничего. Она просто вламывается. Можно мне замок на дверь? – спрашиваю я.

– Тебе есть что скрывать от семьи? – Мать недовольно хмурит брови.

– Я не хочу, чтобы Аделина сюда входила, – объясняю ей элементарные вещи.

– То есть младшая сестра хочет твоего внимания, а ты за это ее ударила? – все переворачивает родительница.

– Да не трогала я ее! Аделина сама локтем долбанулась!

Лучше бы головой!

– Что за выражения, Амалия? – Мама меняется в лице.

– Забери у нее этого уродского медведя, – ноет Ада. – Она меня из-за него... – Трет локоть, который уже давно прошел.

– Откуда это здесь? – Мать брезгливо, двумя пальцами, берет мою игрушку за ухо.

– Не забирай, пожалуйста. Я купила. Он мне нравится, – сочиняю на ходу.

– Купила? Это?

– Мама, оставь... – тяну руку, чтобы забрать.

– Безвкусная дешевка. Ей место на помойке, а не в нашем доме. Тебе же не пять лет, Амалия. Не надо тащить сюда всякую гадость. И извинись перед Аделиной, – требует она.

– Я не виновата ни в чем, – зло смотрю на довольно улыбающуюся сестру. – И мне нравится мой медведь. Верни, пожалуйста.

– Извиняйся, – требует Ада из-за плеча матери.

– Не заставляй меня ждать, – добавляет родительница.

– Я извинюсь, если ты вернешь мою игрушку, хоть я ни в чем не виновата и ударились эта... сестра сама, – выпаливаю на одном дыхании.

– Хорошо, – соглашается мать.

– Аделин, извини за то, что ты ударилась, – без особой радости проговариваю я.

Мать кидает медведя на мою кровать и добавляет:

– Завтра утром сама выбросишь. Хочешь игрушку? Я за-

кажу тебе в приличном магазине, – разворачивается и уходит.

Ада показывает мне язык и тоже наконец сваливает. Закрываю за ними дверь, чувствуя, как внутри все дрожит от обиды и несправедливости. Забираю медведя, сажусь на подоконник. Прижав игрушку к себе, виском прислоняюсь к оконному стеклу и смотрю на другую сторону дороги, откуда сейчас в ответ на меня и посмотреть некому.

Так одиноко...

Глава 7

Данте

Трек к главе – Eminem «Lose Yourself»

Надо бы лечь спать. Я чертовски устал за последние сутки, а завтрашний день обещает разорвать меня изнутри, так что силы точно быгодились, но не спится. Полистав книжку, продолжаю игнорировать сообщения от Даны. Я был бы совсем не против, чтобы со мной поиграли ее умелые руки и губы. Секс стал бы отличной разрядкой, и наверняка после него меня бы точно вырубил, но я не готов слушать, а просто приехать и заняться делом Дана не может. Особенно после ссоры в раздевалке «Клетки». Сначала обязательно будут надутые губы и вынос мозга. Не хочу. Потом. Может быть, завтра или... Да, пусть приезжает утром. Люблю утренний секс.

Или черт с ней? Заменить не проблема, просто... Просто тянет туда, куда не должно. Куда точно лезть нельзя. Так и не ответив Дане, сажусь и кидаю телефон рядом.

«Ну и пошел ты! Козел!» – загорается на экране.

«Окей», – отвечаю ей.

Неплохая мысль. Прокачусь, пожалуй. Она пишет. Не понравился мой ответ. Усмехнувшись, закидываю ее в ЧС до

утра, надеваю штаны, футболку цвета хаки, косуху, шнурую ботинки и выхожу на улицу. Ночная свежесть пробирает до мозгов. Днем уже довольно тепло. У Калинина я спокойно хожу без майки, а по ночам температура резко падает. Март всегда контрастный. Завтра может долбануть мороз и выпасть снег, а потом снова будет тепло.

Включаю в старенькой «бэхе» Эминема. Криво усмехнувшись, покачиваю головой под ритм трека и выезжаю из своего гетто в сторону центра. Развлечений в городе не так уж и много, и, как только позволяет погода, народ собирается на улице. Парочки, шумные компании, пьяные гопники. Кого тут только не встретишь!

Выхватываю знакомые рожи. Они меня тоже замечают. Орут, придурки, руками машут, привлекая внимание. Ищу место, где можно встать. Парни направляются навстречу. Пересекаемся у бордюра. Продолжая криво усмехаться, смотрю на тех, кто кинул меня во время пожара, физически ощущая, как тяжелеют взгляд и кулаки.

– Данте, я думал, тебя того... посадили, – пряча от меня взгляд, говорит Серега. – Но я... это... рад, что все обошлось. Как ты отмазался?

Его словарный запас поражает разнообразием. Забавляет. – Дан, ты же... это... – продолжает оправдываться Серый, – знаешь, у меня матушка там, все дела. Мне нельзя попадаться. Ты извини, что так вышло. Давай, может, забудем, а? Мы же друзья.

– Да? – Мне реально смешно. – Ну давай забудем. – Улыбка превращается в оскал. Делаю шаг к пацанам. Они пятятся, а Серега не видит этого и остается совсем один.

Вот такая дружба. Хватаю «друга» за футболку, дергаю на себя.

– Д-дан-те, хорош! – нервничает он.

– По двенадцать с половиной миллионов с каждого, и мы забудем. – Перекрутив его футболку, пережимаю воротом горло, стреляя взглядом в остальных.

– К-какие... Откуда у меня такие бабки? Ты в себе?! – бьется Серый, открывая рот в попытке нормально вдохнуть.

Разворачиваю «друга» и роняю лицом в капот своей «бэхи», разбивая нос и слушая хриплый стон. Заламываю руку, давлю ладонью на затылок, чтобы не поднялся.

– Вы меня кинули, – склонившись, громко рычу ему в ухо. – Я такое не прощаю. Мне плевать, где ты будешь эти бабки доставать. Но ты мне их отдашь, Серый. Иначе я сдам тебя...

– Мне нельзя в ментовку, Данте, – дергается он.

– А я тебя не ментам сдам, Серег. Я отдам тебя людям Калинина. И ты начнешь умолять о том, чтобы тебя посадили. Услышал?! – Еще раз прикладываю его о капот. Встряхиваю, разворачиваю разбитой рожей к себе, смотрю в поплывшие глаза. – Ты меня знаешь, Серый: если я сказал, то сделаю.

– З-знаю, – сглатывает он, пытаюсь стереть кровь из-под носа, но только размазывает ее рукавом над верхней губой

и по щекам.

– Отлично вам потусить, друзья, – выплевываю, глядя на застывших парней.

Отшвырнув от себя Серегу, возвращаюсь в машину, делаю музыку громче и медленно еду вдоль прогулочной аллеи, разглядывая симпатичных девчонок, сменивших джинсы на юбочки.

Знаю я, что эти уроды не найдут бабки, но хочу, чтобы боялись. Пусть каждый день ходят теперь и оглядываются на любую проезжающую тачку. Деваться им отсюда некуда. Мы тут все так или иначе застряли по своим причинам. Семья, учеба, девочка, отсутствие денег для переезда и далее по списку.

Уезжая из центра, катаюсь по районам и решаю заехать туда, куда меня реально тянет. Проблем с въездом на территорию поселка Красные Зори не возникает. Музыку делаю тише и сворачиваю напрямик к участку Калинина. Глянув на окна дома напротив, включаю фонарик на мобильном и отправляюсь бродить по завалам. Тут стало гораздо свободнее. Обхожу линию фундамента по кругу, пинаю то, что попадает под ноги. Пожарные лазили уже, что-то забрали, но мне результаты экспертизы, конечно, никто не озвучит.

Только я же не за этим приехал. Душа требует прекрасного после той грязи, что регулярно творится в «Клетке». А «прекрасное» наверняка спит. Темно у нее. Я посижу тут немного и домой. В машине оставаться не хочется. Присаживаю-

ваюсь у знакомого столба. Упираюсь в него затылком и глубоко дышу свежестью и хвоей. Здесь много деревьев, кустов, цветов, пруд недалеко и особенно чувствуется запах весны. Его не перебивает выхлопом многочисленных машин центра.

Смотрю на темные окна. Их слегка засвечивает фонарем, и глазам требуется время, чтобы привыкнуть к такому освещению и начать отчетливо ловить контуры рамы, занавесок.

Шторы шевелятся, разъезжаясь в стороны.

– Ау. – Жмурюсь от ударившего по глазам яркого белого света мобильного фонарика. Он неуклюжим зайцем скачет по стеклу, пока его хозяйка устраивается на подоконнике.

Часто моргая, разгоняю пятна перед глазами и снова смотрю в окно. Хрупкий силуэт с рассыпавшимися по плечам рыжими волосами обнимает какую-то игрушку. Может быть, это даже мой подарок, но отсюда не разглядеть. Маленькая Ами подтягивает к себе колени и, повернув голову, смотрит в окно. Не знаю, видит ли она меня. Наверное, видит, потому что я ощущаю ее взгляд будто прикосновение. Теплое и приятное.

Так и сидим, глядя друг на друга. Что мне с этим делать, понятия не имею. Мне просто хорошо. Это слишком редкое состояние, чтобы от него отказываться. Кайф от этой девочки живет глубоко внутри. Я поймал его сразу, и меня больше не отпускает.

Тянет поискать о ней что-то в сети. Раз фигуристка и тре-

нируется в нашем Ледовом, значит, на сайте точно должна быть вся информация. Но, с другой стороны, зачем обламывать самого себя? Узнавать ее случайно, лично гораздо приятнее. И цвет глаз я хочу увидеть вживую, а не на фотографиях.

Дурак. У меня нет доступа в башню этой принцессы. И нет права тянуть ее в свой мир. Она в нем не выживет. Я-то с трудом вытягиваю, все время меняясь физически, в голове, а она просто маленькая девочка, привыкшая жить в комфорте и достатке. Однажды все это у меня будет. Образование, квартира – не здесь, в столице. Вот тогда я смогу ей что-то предложить, а пока только себя в качестве сталкера, охотящегося за солнцем.

Мы уже долго так сидим. У меня затекли ноги, а она ерзает на своем подоконнике. Упрямые оба. Никто не уходит первым. «Что подарить тебе в следующий раз?» – едва шевелю губами. Она прикладывает ладошку к стеклу, будто закрывая меня ей. Убирает, трет щеку и слезает с подоконника, скрываясь за занавеской. Жду еще немного – мало ли, вдруг вернется? Нет. Огонек ушла спать, да и мне пора сваливать отсюда. Разминаю ноги, возвращаюсь к машине и, еще немного покатавшись, еду к себе. Устроившись на кровати, открываю баланс своей карты, прикидываю, что куда потрачу. Часть бабок будет отложена для выплаты долга, еще кусок улетит в копилку для оплаты универа за второй курс. Надо обновить защиту к следующему бою. И еще масса рас-

ходов. Мать его, как это все разгрести?!

Глава 8

Данте

С утра чертовски хочется секса. Адски, до зубовного скрежета! Дана бы точно сейчас пригодилась. Вынимаю ее из ЧС, слушаю, как бесконечно вибрирует телефон от ее попыток звонить и писать. Неугомонная! Но в ее голове у нас отношения, хотя я никогда ничего ей не обещал.

«Если ты не будешь дергать меня весь день, вечером заеду», – кидаю ей голосовое. Иначе с ума сойду. Тут и так налетело со всех сторон. Если я еще и с сексом обломаюсь, точно кого-нибудь грохну.

Вместо того чтобы качать одну руку, выхожу в шортах во двор и нагружаю обе на своих тренажерах, работая на всю верхнюю часть тела. После лезу под контрастный душ. До вечера мне этого хватит.

Привычно за завтраком смотрю расписание на сегодня, еще раз прикидывая планы на весь день. Мне ко второй паре. Как раз успею заскочить к своим. Собираюсь. Слышу, как скрипит калитка. Подхватив рюкзак и надев кепку козырьком назад, выхожу на улицу и встречаюсь взглядом с нерешительным Серегой.

– Чего надо? – усмехаюсь, остановившись в паре шагов от него.

– Поговорить можем? – Смотрит на меня исподлобья, пряча руки в карманах и звякая там мелочью.

После нашего вчерашнего «разговора» он прилично отек и посинел в районе переносицы, под глазами. А я даже не старался – так, предупредил. Мы же «друзья».

– Я вчера тебе все сказал, Серый. Сегодня мне некогда. Свали. Сам, – подчеркиваю.

– Дан, – как обычно, сокращает он сразу и от имени, и от прозвища. Когда мы с Даной вдвоем, выходит смешно. – Дан, ну ты же это... Ты знаешь, я никогда не соберу такие деньги.

– Кто из вас поджег дом Калинина? – перебиваю его бесполезное нытье.

– Чего? – Бедняга чуть глазные яблоки руками не поймал от возмущения.

– Не вы? – хмыкаю, поигрывая ключами от тачки.

– С чего бы? Мы же там все вместе тусили. Тебе на твоём ринге по башке дали, что ли? – заводится он.

– Не ори! – Морщусь, подкидывая ключи в воздух. Ловлю, сжимаю в кулак. – Я просто спросил. Нет – значит, нет. Насчет денег все остается в силе. Если тебе больше нечего мне сказать, выйди отсюда к чертовой матери. Вход теперь платный. Двенадцать с половиной лямов.

– Дан, у меня же...

– У меня тоже. Не начинай, Серег. Последнее китайское. Дальше буду больно бить. Не так, как вчера, – на полном

серьезе предупреждаю его.

Тяжело сопя, «друг» уходит с моего двора, а я запираю вагончик, калитку и открываю ворота, чтобы выгнать «бэ-ху» на улицу. Опускаю стекла, впуская в салон свежий воздух. Устроив локоть на двери, еду на Смоленскую. Ничем не примечательный старый район с панельными домами, магазинами, остановкой. Проезжающему мимо не за что зацепиться взглядом, а я здесь рос какое-то время, до интерната. Ну и прибегал иногда. Мелкий был, домой тянуло. Мама, папа, все дела, а у них ограничение родительских прав, так что меня находили и возвращали в интернат. Как, собственно, и с улицы, куда я тоже частенько сваливал. В нашем спортивном зале на матах ночевал, пока тренер не выяснил, как я туда забираюсь. Просто. Через окно в раздевалке. Все знали, что там форточка под потолком оставалась открытой для проветривания. Взрослому в нее не пролезть, а пацану, да еще и замотивированному спортсмену, как нечего делать.

Въезжаю во двор. Торможу у подъезда. Двери поменяли, а толку? Все равно всегда нараспашку. Чем ближе подхожу, тем отчетливее улавливается специфический запах, свойственный старым подъездам и квартирам, в которых живут алкаши.

Мне прямиком в одну из таких, расположенную на первом этаже. Тоже наследство. Чье именно, я уже и не помню. А может, не знаю. Звоню. По топоту ног догадываюсь, что пацаны опять не в школе. Открывает старший из моих млад-

ших братьев – Ромка. Ему скоро восемь, заканчивает первый класс. Из-за его спины выглядывает шестилетний Мишка.

– Даня приехал! – радуется он.

– Здравóво, здорóво! Дайте войти только, потом будем руки пожимать. – Делаю шаг в прихожую, окончательно теряя способность глубоко дышать.

Здесь все пропиталось характерной вонью дешевого бухла, далеко не всегда чистых человеческих тел, рыбных закусок и прочей дряни, от которой тянет блевать. Каждый раз, как в первый, мне требуется время для адаптации.

Оглядываюсь. Тот, что называется моим отцом, спит, уткнувшись мордой в стол. Вытянутые треники, съехавшая с плеча неопределенного цвета расстегнутая рубашка.

– Мать где? – спрашиваю у братьев.

– На работе, – хором отвечают они.

– Нормально, – киваю.

Она техничкой подрабатывает в местной аптеке. Когда не пьет. Сейчас вроде притормозила. Ждет четвертого. У нас с пацанами должна родиться сестра. Я, когда узнал, был в шоке. Орал как бешеный. Взбесили! Куда еще рожать? Сюда? Вот в эту помойку? Если бы не братья, никогда бы я сюда не сунулся. Нет у меня к этим людям ни жалости, ни сострадания, ни тем более любви. Все давно сдохло, еще в собственном детстве. Может, и оно тут тоже как раз нестерпимо воняет. И самое смешное, что меня тогда забрали из семьи, а этих двоих не забирают. Я несколько раз сам просил.

– Рома, ты почему не в школе? – не спешу доставать подарки.

– Мы проспали, – сдает их обоих Мишка, при этом явно недоговаривая.

– Ясно. Ты вот так же хочешь жить? – киваю на отца, снова обращаясь к Ромке. – Мы как договаривались? Ты учишься, я плачу за секцию по боксу.

– Я не хочу в эту дурацкую школу ходить. – Брат опускает голову и смотрит себе под ноги.

– Почему? – Присаживаюсь перед ним на корточки и касаюсь подбородка, чтобы смотрел на меня.

– Там одни дураки. Они меня обзывают, – всхлипывает он.

– Что говорят? – Большим пальцем стираю с его щеки след от шариковой ручки.

– Что я вонючка и бомж, – поднимает на меня обиженный взгляд.

Мишка трется возле меня, тоже расстраиваясь из-за брата.

– Шли их всех на хрен, – серьезно говорю Ромычу.

– Так нельзя говорить, – надувает он губы.

– Я тебе разрешаю. Можешь так и передать. Старший брат разрешил. А если еще раз будут обзываться, я сам приду и всех их туда пошлю, – подмигиваю ему.

– Правда придешь? – с надеждой смотрит на меня.

– Я вас хоть раз обманул? – Притягиваю к себе Мишку и

взъерошиваю его русую макушку. Братья трясут головой. – Ну вот. Так что завязывай с забастовкой. Окей?

Поднимаюсь, протягиваю Ромке руку.

– Окей, – все еще дуется он.

– Молодец. Я подарки вам привез. Сейчас.

Достаю из рюкзака игрушки. Братья забирают яркие коробочки, довольно рассматривают. Из кухни раздается невнятный пьяный говор. С Мишкиного плеча сползает рубашка. А там синяк со следами пальцев.

– Ах ты ж тварь такая! – выдыхаю я. – В комнату оба. Брысь! – рявкаю на пацанов.

Смываются и плотно закрывают дверь.

Подхожу к отцу, хватаю его за волосы и прикладываю рожей о стол. Шикарный из меня получается будильник! Это животное тут же очухивается, ошалело на меня смотрит.

– Ты?

– Я. Какого черта ты Мишку трогал опять? Герой? – толкаю отца в плечи.

– Тебе какое дело? Орет он тут, – трет разбитый нос. – Лучше бы денег родителям подкинул. У тебя мать беременная. Ей там надо... всякое...

– Задницу свою подними и заработай.

– Поучи меня еще, – вякает это бухое тело.

Резко толкаю его в лоб. Он ударяется затылком о стену и отрубается. Ненавижу!

Выдохнув и все еще дыша через раз, возвращаюсь к паца-

нам.

– Себя надо защищать, – говорю обоим.

– А тренер говорит: если не в зале, то драться нельзя, – важно отвечает Мишка.

Одно из первых правил, которому учат всех «боевых» спортсменов.

– Тренер прав, но я сейчас не про бокс, а про самозащиту. Посмотри, – показываю Мишке на его же синяк. – Вот так быть не должно. Ясно? Так, ладно, – притормаживаю. – Забыли пока этот разговор.

Не могу я им нормально объяснить, что нашему отцу можно отвечать на применение физической силы. Это расходится с правилами их тренера. Надо сначала с ним все обсудить. Да и мелкие они, а я всегда пытаюсь как со взрослыми говорить.

Даю обоим денег. Равные суммы. Братья прячут, и я знаю, что до родителей эти деньги точно не дойдут. Мы немного возимся с ними. Просят показать стойки, удары. Хвастаются, чему успели научиться.

– Парни, мне ехать пора. В выходные, наверное, теперь смогу к вам вырваться. Ромыч, насчет школы я не шутил, – напоминаю ему. – Мишка...

– Защищаться? – спрашивает у меня, доверчиво глядя в глаза.

– Не нарываться. С защитой мы что-то решим, – снова треплю его по волосам.

Пацаны провожают меня до двери. Отец вроде оклемался, и я ухожу. На улице долго дышу, стоя у своей машины и глядя на пыльные окна родительской квартиры. Матери еще нет. Уходить каждый раз стремно, но мне действительно пора.

Глава 9

Амалия

– Разумовская, ты куда так торопишься сегодня? – вытирая влажные после душа волосы, спрашивает наша Оля Василевская, одна из моих главных конкуренток за медали от школы Розы Марковны Таль. – Обычно торчишь здесь до упора, а сейчас вон, собралась уже.

– Дела, – пожимаю плечами, стоя перед большим зеркалом, висящим на стене у входа, и поправляя свободную белую тунику с открытым плечом.

– Признавайся уже, появился кто-то, да? – не отстает Оля, оказываясь у меня за спиной и помогая вытянуть косу из-под лямки рюкзака.

– Спасибо, – разворачиваюсь к Василевской. – Отец приехал. – Почти не лгу.

Папа и правда звонил. Сказал, что ждет меня дома.

– Да брось, а то мы не видели, как ты сегодня каталась. Чуть ли не под потолок прыгала. Наверное, из-за папы, – не верит Оля.

– Прыгала я так, потому что меня Роза Марковна на индивидуалке гоняла. Ты же ее знаешь. Пока до идеала не доведет, не отпустит. Ушла. Всем пока! – Машу девчонкам, поправляя рюкзак.

На выходе из раздевалки врезаюсь прямо в Натана. Он ловит меня за плечи и обаятельно улыбается, заглядывая в глаза.

– Осторожнее, убьешься, – проводит по мне ладонями почти до самого запястья и прячет руки в карманы.

– А чего ты здесь ходишь, Нат? Это женская раздевалка, – напоминаю ему.

– Ты сегодня классно откатала, я видел кусочек программы. – Делает вид, что не слышал моего замечания.

– Спасибо, – отвожу взгляд к стене с пожарным щитком. – Оля еще сушится. Здесь жди, – снова смотрю на сына наших хореографов.

– Слушаюсь и повинуюсь, – кривляется он.

Позер и бабник. Не люблю его ни за то ни за другое. Не то что... кто? Тот, за кем можно только наблюдать, кусая губы и задерживая дыхание? Много я о нем знаю, конечно! Но из головы не выходит.

Вчерашний его образ остался в сознании. Странный парень зачем-то приехал ночью к дому Калинина. Сидел у столба и смотрел на мои окна. Такой большой, сильный и одинокий. А я? Я зачем-то ждала его, не выпуская из рук подаренного медведя. Глупо же. Вероятность его визита была минимальной. И скорее всего, я все сама себе придумала. И про подарок якобы от него, и про то, что приехал ко мне, но мы сидели и долго смотрели друг на друга. У меня до сих пор такое ощущение, что я побывала на свидании.

Вероятно, это самое странное свидание в мире. И пусть. Мне хочется быстрее попасть домой. У меня щекотка в животе от ощущения, что я опаздываю на собственный подоконник, ведь меня там могут ждать. Сердце бьется сильнее, а щеки горят от этих странностей. Запрыгиваю в машину к дяде Лене, роняю рядом рюкзак и нетерпеливо постукиваю ногой по полу. Дурочка! Они разберут завалы, и он исчезнет. Что ему там делать? Может, он и не видит меня, а приезжал потому, что попросил Калинин. В этом ведь гораздо больше логики. Правильнее было бы прекратить думать о нем. Да и мама, если вдруг узнает... Страшно представить, что она сделает. Все это правильно, но вопреки собственным доводам пересаживаюсь к другому окну машины.

У дома Калинина стоит его автомобиль. Игорь Александрович выходит со двора не один. У его собеседника сегодня вместо банданы кепка, надетая козырьком назад, все те же грубые ботинки и штаны, обтянувшие мощные бедра. Он кажется мне невероятно большим и сильным. Парень задерживается взглядом на нашей машине. Его отвлекает Игорь Александрович, тот кивает, что-то показывает жестами, а дядя Леня въезжает в наш двор. Папина машина стоит, уткнувшись бампером в ступеньки. Выбираюсь на улицу и, повесив рюкзак на одно плечо, спешу в дом.

– Наша чемпионка вернулась, – улыбается отец, устроившийся в гостиной с телефоном. – Как тренировка?

– Привет, – машу ему ладошкой. – Хорошо.

– Мама жалуется на ваше с Аделиной поведение и твою успеваемость. – Его взгляд становится привычно строгим.

– Я все исправила, – переступая с ноги на ногу, отвечаю отцу. Еще этот дурацкий рюкзак съезжает с плеча и ударяет меня по ноге.

– Ами, надо сразу делать на «отлично», тогда не придется ничего исправлять, – абсолютно серьезно говорит он.

– А если не получается сразу? – натягиваю лямку рюкзака обратно на плечо. – Если это вообще не мое, пап? Я хочу в спортивный универ. Мое место там! – Осмелев, пытаюсь до него достучаться.

– Амалия, ну это же смешно. Зачем мне в компании тренер по фигурному катанию? Если ты проседаешь в учебе, мы можем исключить остальные нагрузки, и ты сосредоточишься только на ней. – Отец поднимается с дивана.

Я резко начинаю ощущать себя маленькой и беззащитной, хотя он даже голоса не повышает.

– Что ты имеешь в виду? – Собрал в кулак всю силу воли, поднимаю голову и смотрю ему в глаза.

– Мне кажется, что все очевидно, Ами. – Отец подходит ближе, берет меня за подбородок, гладит пальцем по щеке. – Может, пора завязывать с фигуркой? Я горжусь твоими достижениями и медалями, но, повторяюсь, они не сделают из тебя хорошего экономиста.

– Нет, – упираюсь я. – Не забирай у меня лед, пожалуйста.

– Тогда учись хорошо, ладно? Я не хочу больше слушать

про проваленные контрольные и прочую ерунду. Ты знаешь, дочь, я максималист. Если медаль, то золото. Если оценка, то «отлично». У Разумовских только так, – ласково проводит по моим волосам. – Переодевайся, приходи ужинать. Я по вам соскучился.

Кивнув, убегаю к себе, радуясь, что по дороге мне не встретилась Аделина. Сегодня сестра будет вести себя идеально. При отце у нее разве что крылья за спиной не вырастают и не начинает светиться нимб над головой.

Проверяю свой тайник. Медведь и личный дневник на месте. Иду к окну. Осторожно выглядываю из-за занавески, но там только машина Калинина и никого не видно. Вздохнув, быстро переодеваюсь. Спускаюсь в столовую, а у нас гости. Сам Игорь Александрович заглянул.

– Добрый вечер, – приветствую соседа и друга семьи.

– Привет, красавица, спортсменка, чемпионка, – улыбается он. – Дела у тебя как? Не всех еще победила?

– Нет, – улыбаюсь в ответ.

– Какие твои годы! – смеется Игорь Александрович, явно пребывая в отличном расположении духа.

– Игорь, – зовет его мама, пока Ада обиженно сопит в мою сторону, – разрисованное животное на твоём дворе не опасно для окружающих? У него вид как у уголовника. Весь в наколках, – кривится она.

– Не переживай. Если что, у меня есть строгий ошейник, – смеется Игорь Александрович. – А если серьезно, мощный

паренек. У меня на него большие планы.

– Ты, главное, держи его в узде, – просит мать. – У меня две дочери. Я опасаясь за них.

Хочется закатить глаза и поскорее выйти из-за стола. Так говорить о человеке, будто он и не человек вовсе, а действительно пойманный в капкан зверь или же раб, купленный на невольничьем рынке! Звучит ужасно.

И как только нам разрешают уйти, я первой покидаю столовую, ссылаясь на усталость и режим. За окном снова никого, и чувство полета окончательно пропадает. Я шмякаюсь о свою реальность, обнимаю подушку и крепко зажмуриваюсь, чтобы поскорее уснуть.

А утром у нас редкий завтрак с папой, и он вызывается подвезти меня в колледж сам. По дороге делится планами о том, как летом я приду к нему на практику. Немного задеваем тему спорта. Я киваю и иногда поддакиваю. Он высаживает меня недалеко от учебного корпуса, желает хорошего дня и уезжает по своим делам.

Мне везет – последнюю пару отменяют, и я иду в парк, чтобы позаниматься на свежем воздухе без жужжания Ады или матери над ухом. Устраиваюсь с учебником на скамейке под раскидистым деревом, которое уже совсем скоро полностью покроется зеленью. Вчитываюсь в материал, не обращая внимания на окружающих. Легкий ветер играет с волосами и пытается перевернуть страницу. Прижимаю ее пальцами и замечаю вырастающую надо мной тень. Удивлен-

но поднимаю взгляд. Мальчишка лет двенадцати, наверное. Раскрасневшийся, растрепанный, с маленьким цветным букетиком в руке.

– Ты чего? – настороженно спрашиваю у него.

– Вот. – Он смешно вытягивает руку с букетом. – Просили отдать.

– Мне? – захопываю учебник.

– Ну не мне же, – фыркает мальчишка.

– Спасибо, – забираю у него цветы. – А кто передал? – Оглядываюсь по сторонам, но не вижу ни одного знакомого лица.

– Он просил не говорить, – заявляет «курьер», разворачивается и удирает со всех ног.

Подношу цветы к лицу, вдыхаю мягкий сладковатый аромат и глупо улыбаюсь. В голове только одна мысль – о том, чей подарок зажат у меня в руках. Снова оглядываюсь, на этот раз в сторону дороги, и сердце опять стучит сильно-сильно, будто хочет выпрыгнуть из груди. От обочины на другой стороне проезжей части отъезжает знакомая мне старенькая черная машина с наглухо закрытыми окнами.

Глава 10

Амалия

Я не знаю, как перестать улыбаться, глядя на этот букетик. Особенно после того, как он обрел хозяина. Странного, большого, сильного, опасного. Но ведь злые люди не дарят розовых медведей и такие милые цветы. А может, это совпадение? Мало ли, зачем он оказался возле парка. Конечно. Он же не мог знать, что я там буду. Я сама-то не знала, пару ведь отменили внезапно. Ищу объяснение нашим столкновениям и этим подаркам. Так сложно поверить, что это все для меня. От него. А если нет? Если я и правда ошибаюсь? Лучше сразу вытравить из головы такие мысли, чем потом сильно разочароваться. А то будет что-то из серии: «Сама придумала – сама обиделась». Парень и знать меня не знает, не думает обо мне, а я тут сочиняю.

Но мишка есть. Я прижимаю его к себе, снова уткнувшись носом в макушку. Того специфического запаха совсем не осталось, он теперь только в моей голове. Уснуть так и не смогла. Выучила все, что задали, посмотрела фильм, послушала музыку. Бесполезно. На тумбочке у кровати стоят цветы, и я смотрю на них, опять улыбаясь. А ведь на подоконник не пошла... Боже, как это глупо! Но не пошла. Запретила себе. Искусила губы от любопытства. Приехал или нет? Не

знаю, что с этим делать. Со мной никогда ничего подобного не приключалось.

Сквозь щель между плотными занавесками видно, что на улице светает. Теперь уже можно даже не пытаться поспать, и я лезу в тайник за дневником. Подложив под спину подушки, сажусь, скрестив ноги, устраиваю между ними мишку и, раскрыв тетрадь, долго смотрю на пустые странички. Рука сама выводит сердечко в центре, а внутри вопросительный знак. Как могут звать такого, как он? На свободном месте выписываю в столбик мужские имена, примеряя их на татуированного парня. Ярослав... Тимур... Руслан... А может, вообще Николай или Максим?

– Не-е-ет, – поморщившись, зачеркиваю последнюю строчку.

Отступаю от списка и пытаюсь нарисовать рядом череп. На его теле набиты такие. С большого расстояния разглядеть их подробнее сложно, да и художница из меня так себе.

Интересно, что бы сделала со мной мама, если бы я пошла в тату-салон и набила себе хоть что-нибудь? Маленькое, незаметное под костюмами для выступлений, иначе и Роза Марковна со мной что-нибудь сделает. Рассмеявшись, хлопая себя ладошкой по лбу и качаю головой. Понятно же, что ничего такого я не сделаю. Но очень и очень заманчиво.

Захлопнув дневник, прячу его обратно в тайник вместе с медведем. Еще раз глянув на букет, выбираюсь из постели. Раз уж рано встала, можно устроить легкую пробежку по пу-

стым улицам. Собираю волосы в пучок, переодеваюсь в спортивный костюм и все же раздвигаю занавески. Ни-ко-го. Если бы он вдруг там оказался в такое время, точно было бы крайне странно. И даже пугающе.

Спускаюсь на первый этаж. Так хорошо, тихо в доме. Выхожу на улицу. Глубоко вдыхаю прохладный влажный воздух, пропитанный хвоей, разминаюсь и выбегаю за территорию. Сворачиваю по дорожке сразу в сторону пруда, периодически поглядывая за пульсом на смарт-часах. Оббегаю его по специальной беговой дорожке и, сбавив темп, возвращаюсь к дому.

– Только не говори, что ты заболела. – Мама ловит меня на лестнице.

– Не заболела. С чего ты взяла? – удивленно смотрю на нее.

– Глаза странно блестят. Показалось, наверное, – внимательно рассматривает меня.

– После пробежки, скорее всего, – пожимаю плечами и ухожу к себе.

Приняв душ, ладонью вытираю запотевшее зеркало и смотрю на свои розовые щеки и улыбающиеся губы. Глаза и правда блестят. Это все бабочки под кожей виноваты. Они никак не угомонятся.

За завтраком мама придирчиво меня рассматривает.

– Нет, не нравишься ты мне, – заявляет она. – Запишу тебя на сегодня к нашему терапевту.

– Со мной все нормально, – уверяю ее.

– Не спорь, пожалуйста, – морщится мама. – А то голова с утра будет раскаливаться.

Умолкнув, допиваю свой чай без сахара и ухожу из-за стола. Дядя Леня уже ждет. Подмигнув, снова всовывает мне в ладошку карамельку и открывает дверь машины.

Всеми силами стараюсь не смотреть в сторону дома Калинина.

– Быстро они все разобрали, – говорит дядя Леня.

– В смысле «разобрали»? – ухватившись за спинку его сиденья, подтягиваюсь ближе.

– Да там же целая бригада работала у него, – спокойно отвечает он. – Все большое вывезли. Мусор только остался. Сгробут его лопатами. За пару-тройку дней уберут. Считай, чистый участок. Можно строить заново.

Вот и решится проблема с метаниями у подоконника. Странный парень исчезнет, и бабочки в моем животе впадут в спячку. Только от этой мысли вдруг начинает щипать в носу. Уткнувшись взглядом в почти идеально чистое стекло, теперь думаю, что зря не пошла ночью к окну. Вдруг он все же приезжал и это был последний раз?

– Ами, приехали, – доносится до меня голос водителя.

Я и не заметила, утонув в своих бесконечных сомнениях.

– Спасибо! – Привычно ответив дяде Лене и спрятав карамельку в рюкзак, отправляюсь на пытки, то есть лекции.

Какой-то умник часто ставит нам физкультуру первой.

Я привычно жду, когда девочки переоденутся и уйдут из раздевалки. Захожу в числе последних, в итоге опаздывая на занятие. Преподаватель привык, и мне за это ничего не будет. Здесь я вхожу в число лучших, что сильно не нравится некоторым особам.

Нам выдают баскетбольный мяч, делят на команды и дают старт игре. Для этого вида спорта я слишком маленького роста, всего метр пятьдесят пять. Сама не забрасываю, только делаю передачи. Наша команда зарабатывает первые очки. Мяч оказывается у соперников. Я разворачиваюсь и отбегаю к краю, чтобы не мешать тем, кто выше.

Встаю спиной к стене и получаю прямиком твердым баскетбольным мячом в лицо. В голове от боли маленький взрыв, в глазах вспыхивают звезды, из носа течет кровь.

– Вы что творите?! – рявкает преподаватель.

Девочки смеются и всем своим видом показывают, что это была случайность.

– Ами, ты как? – Ко мне подходит одна из девочек моей команды.

– Нормально, – шмыгнув носом, предплечьем вытираю кровь с губ и подбородка.

Поднимаю мяч, отскочивший от меня к скамейке, и со всей силы швыряю его обратно. Он попадает в зачинщицу всех издевательств надо мной. Она резко перестает улыбаться.

– Да я придушу тебя сейчас, Разумовская! Ты сдурела?! –

взвинчивается она.

– Сама ты сдурела, – всхлипнув, ухожу из зала в туалет.

Долго умываюсь холодной водой, зажимаю пальцами переносицу, стараясь остановить кровь. Дуры! По щекам текут слезы. Сейчас опухнет все, а мне на лед сегодня. Роза Марковна совсем не обрадуется моему виду и состоянию. Руки дрожат. Зря я ответила. Теперь еще хуже будет. Но так достали, сил уже нет. И никто не слышит, никто не защищает, только сама. А сама... да не получается у меня! Их много, а я... Снова и снова поливаю лицо холодной водой, чтобы успокоиться. Мой учебный день сегодня точно окончен. Зато глаза больше не блестят, и можно не ходить к семейному терапевту с мамой.

Нервно улыбнувшись, просачиваюсь в раздевалку. Быстро переодеваюсь и, стирая ладонями слезы, позорно сбегая из колледжа. Посижу в парке, книжку читаю или...

Набираю тренера.

– Разумовская? – удивляется Роза Марковна.

– Здравствуйте, – шмыгаю носом.

– Ты плачешь, что ли?

– Роза Марковна, а у вас же сейчас младшие тренируются, да? – задаю ей встречный вопрос, медленно двигаясь по тротуару в сторону ближайшей остановки.

– Да, – подтверждает тренер. – Начали только.

– Можно я приеду посмотрю? – выдыхаю, остановившись у пешеходного перехода. Смотрю по сторонам. Из-за слез ви-

жу только силуэты притормозивших машин.

– Вот нужна ты мне тут в качестве зрителя! – хмыкает Роза Марковна. – Детей отвлекать.

– Поняла, – перебегаю через дорогу.

– Что ты поняла, Разумовская? Сопли вытри и приезжай. Хореографический зал свободен. Самостоятельно потренируешься. – Как всегда, строгая и бескомпромиссная.

– У меня с собой нет формы, – признаюсь ей.

– Так себе аргумент для отмазки от дополнительной тренировки, – усмехается тренер. – Бегом в Ледовый! – командует она и сама сбрасывает звонок.

Глава 11

Амалия

Прыгнув в подходящий автобус, расплачиваюсь с кондуктором, забиваюсь в угол недалеко от двери и достаю из рюкзака маленькое зеркальце. Раскрываю. Охнув, осторожно касаюсь пальцами переносицы. С шипением отдергиваю руку от ссадины.

Добравшись до дворца, бегу в ближайший туалет к зеркалу побольше.

– Мамочки... – всхлипнув, снова трогаю лицо. Оно припухло в месте ушиба, под глазами красные разводы. Совсем скоро они превратятся в синяки.

Все это выглядит просто ужасно. Будто я лицом асфальт пропахала, не меньше. И голова болит все сильнее. Это же за гранью! Неадекватные! Хочется что-нибудь поколотить от отчаяния. Но вместо этого ищу в рюкзаке тональный крем и старательно маскирую следы на лице. Ссадина все равно никуда не девается. Ужасно!

Взяв себя в руки, отправляюсь в царство четы Павелецких – хореографический зал. Бросив рюкзак, обувь и куртку в угол, встаю перед зеркалом. Разминаюсь, начиная с кистей, ступней, постепенно подготавливая все тело к прыжкам и изгибам.

Включаю музыку на телефоне. Сначала просто слушаю трек, покачивая головой. Начинаю плавно двигаться. Подняв руки, провожу пальцами одной по кисти другой. Легко опуская их, отвожу правую руку в сторону. Наклоняюсь туда же, как дерево от порыва ветра.

Прикрыв глаза, скольжу носками по полу, представляя себя на льду. Разворот, нога уходит в сторону, чтобы толкнуть тело в прыжок. Шаг, толчок, еще один прыжок в два оборота. Отличный каскад. И я снова ухожу в танец, отклоняясь назад. Выпрямляюсь, закручиваюсь волчком. Мягко опускаю руки. Открываю глаза только тогда, когда заканчивается музыка. Улыбаюсь, глядя на свое отражение в зеркале. Так гораздо легче. На время случившееся в колледже перестает занимать мое внимание. И даже головная боль почти не мешает.

Сменив музыку на более динамичную, отхожу к противоположной стене и работаю только над прыжками, взмывая над полом и глухо приземляясь обратно.

– Неплохо, неплохо, – от двери комментирует Роза Марковна.

Не заметила ее. Заканчиваю упражнение и разворачиваюсь к тренеру.

– Та-ак. – Она меняется в лице.

Поджав губы, идет прямиком ко мне. Хватает за подбородок, всматривается в ссадину, пальцем трет тоналку и закатывает глаза.

– Это что, Амалия?

– Ничего, – отвожу взгляд, все еще тяжело дыша после тренировки.

– Разумовская, мы не в детском саду. И не надо мне рассказывать, что ты споткнулась!

– Не буду, – поднимаю на нее нерешительный взгляд.

– Скажи мне, ты чем думаешь? А если у тебя сотрясение и ты мне сейчас здесь от нагрузок сознание терять начнешь, а?! – повышает голос Таль.

– Нет у меня сотрясения, правда. Все хорошо. А это... случайность, – пытаюсь оправдаться.

– Марш к медикам!

– Роза Марковна...

– К медикам, я сказала! И без официального допуска ко мне даже не подходи, – подталкивает меня к выходу.

Сворачиваю за вещами. Обуваюсь, вешаю рюкзак на плечо, куртку на предплечье и послушно иду в медкабинет. Вопреки собственным словам тренер идет за мной. И к местному врачу мы тоже входим вместе. Тоналку приходится смыть.

– Твою ж... – тихо ругается Роза Марковна. – Кто тебя так, Ами? Наши?

– Нет, – кручу головой, но врач удерживает меня за затылок и заглядывает в глаза. – На физре в колледже мячом попали в лицо, – приходится признаваться.

– Попали? – хмыкает тренер, явно не особо веря моим

словам. – Что там, Вероника?

– Сотрясения нет, но два-три дня я бы понаблюдала, – заключает врач.

– Нет, не надо. Со мной правда все нормально, я могу тренироваться, – тараторю, задержав дыхание до жжения в легких.

– Пять, – глянув на меня, отвечает Роза Марковна.

– Что «пять»? – не понимаю.

– Пять дней у тебя на восстановление под регулярным наблюдением Вероники Филипповны.

– Но у нас же...

– Пять дней, Разумовская, – не дает договорить тренер. – Мне трупы на льду не нужны. Не было никогда, и, знаешь ли, не хочется начинать. Уровень у тебя хороший. Быстро нагонишь пропущенные дни.

Отворачиваюсь, злясь на идиотов, запустивших в меня мячом, и на себя за то, что не смогла увернуться и теперь придется пропустить столько тренировок. Да еще и сидеть все это время дома с матерью и сестрой. Звучит как настоящая катастрофа.

– Вер, выйди, – просит тренер.

Унося за собой шлейф из лекарств и духов, Вероника Филипповна оставляет нас вдвоем, плотно прикрыв за собой дверь.

– И чего опять глаза на мокром месте? – смягчается Роза Марковна. – Ами, пойми, я не могу рисковать тобой, репу-

тацией школы, своей свободой в случае, если с тобой что-то случится.

– Я понимаю. Честно, – стараюсь смотреть только на нее.

– Матери твоей я сама позвоню.

– Спасибо. – Это спасет меня от лишних объяснений, хотя упреки все равно будут.

– «Спасибо»! – передразнивает тренер. – Я понимаю, что сложно защищаться от толпы, которая бросает в тебя камнями. С одной стороны прикрываешься – с другой все равно прилетает. Но ты не сдавайся, поняла? Сдашься – толпа победит. Ты на лед зачем выходишь? Живешь здесь по двенадцать часов периодами?

– Ради победы, – тихо отвечаю ей. – Ради предстоящих соревнований, а потом... я хочу на Олимпиаду.

– Вот и там, – Таль кивает на дверь, – тоже олимпиада. Длинная такая, в целую жизнь. И там тоже надо уметь побеждать.

– Я стараюсь. Но на льду пока получается лучше, – снова отвожу взгляд.

– Бесспорно, – смеется она, коснувшись моего подбородка и развернув к себе лицом.

Разглядывает, качает головой. В нашем тесном мирке тоже все непросто. В борьбе за медали внутри одной школы чего только не происходит. И подставить пытаются, и с коньками всякое делают. Но здесь я как дома, в своей тарелке, и до сих пор у меня получалось с этим справляться. А вот во-

евать там, сразу по всем фронтам, как выразилась Роза Марковна, против толпы у меня никак не получается.

– Все. – Роза Марковна расправляет плечи. – Лирическое отступление закончилось. Бегом домой. Завтра к врачу, потом ко мне отчитываться.

Тренер уходит. Возвращается врач. Выдает мне специальную мазь, чтобы снять отек и чтобы синяки быстрее сошли. Блистер с таблетками от головной боли. Одну пью сразу, вторую по инструкции надо выпить перед сном.

Открываю дверь. По коридору несется эхо мужских голов вперемешку с грубоватым, громким смехом. Поправив рюкзак и особо не глядя по сторонам, иду туда. Сворачиваю за угол и сталкиваюсь с кем-то мощным и твердым. Он ловит меня, не дав отскочить назад.

Горячие ладони сжимают мои руки чуть выше локтя. Сердце тут же начинает стучать сильнее. Ноздри за секунду улавливают знакомый запах, только теперь его много, он концентрированным облаком окутывает меня сразу со всех сторон.

Мой взгляд стреляет на руки в татуировках, крупные вены под кожей на предплечьях. Спотыкается о мощные грудные мышцы, обтянутые серой футболкой, и застывает на опасных серых глазах. Мимо нас проходит вся его компания. Очень взрослые мужчины с большими хоккейными баулами.

– Данте, не тормози, – зовет его один из них.

«Данте?» – отпечатывается в моей голове. Это его имя?

В жизни бы не угадала. А кожа под его ладонями скоро воспламенится. Он почему-то не отпускает, а мне безумно волнительно, но не страшно. Вот он, весь из себя такой огромный и страшный, а рядом с ним ни грамма не страшно. Как такое может быть?

– Осторожнее, Огонек. – Приятный, низкий голос становится последней каплей.

Я до этой секунды и не знала, что мурашек у человека может быть так много. Они стремительно разлетаются в разные стороны, на мгновение останавливая дыхание...

Глава 12

Данте

Я сейчас разнесу к чертовой матери эту вселенную за синяки на лице своей девочки! И это не лед! Это точно удар. Когда долго бьешь людей, начинаешь на автомате разливать детали. И вспыхнувшая в груди злость за доли секунды трансформируется в ярость, обжигающую легкие.

Огонек смотрит на меня, испуганно распахнув глаза. Серые, с едва заметным переходом к голубому при игре света. Теперь я знаю... Она топит меня в своих глазах. Таких наивных, чистых. Между нами секунды. Один вдох, медленный выдох. Мои пальцы непроизвольно сжимаются крепче в попытке погасить собственную ярость. Огонек вздрагивает. Открытые предплечья в мурашках. Идиот! Еще больше ее пугаю!

Оглушенный грохочущим в груди сердцем, резко убираю от нее руки и ухожу за командой Ночной лиги. Брат Ильхана на удивление легко подстроился под меня сегодня. Наверное, потому, что вечером я должен быть в «Клетке».

Захожу в тренажерку. Мужики переодеваются, а мне надо куда-то деть злость. Размашисто пересекаю зал, набрасываюсь с кулаками на боксерский мешок и вваливаю по нему серию быстрых ударов под жалобный лязг цепей, на которых

он подвешен. Снаряд не выдерживает моей дури. Срывается, падает, поднимая в воздух облако пыли, и получает еще несколько ударов ногами.

– Твою мать!.. – раздается сбоку.

Вдыхаю в себя пыль. Горло начинает драть. Иду к кулеру, выпиваю пару стаканов холодной воды. Разворачиваюсь к мужикам. Они всей командой пялятся на меня.

Да, все так! Я превратил себя в машину, в гребаное чудо-вище, чтобы выживать в этом гребаном мире. А что делать Огоньку? Она же без брони совсем. Так вообще живут? Мне хочется стать ее броней, даже если у нас никогда ничего не получится. Без «если». У меня Дана, потом будет кто-то другой, когда я окончательно устану от нее. И чтобы доказать себе это, вынимаю телефон из кармана и пишу своей типа девушке короткое сообщение: «Поехали со мной в "Клетку" сегодня».

Дана не боится всей этой грязи. Она с удовольствием возится в ней вместе со мной. Пусть будет пока. И мне плевать, что для нее я буду сволочью, удерживая в груди солнце, подаренное Амалией. Я его чувствую, а Дану нет.

– Разминаемся, – хрипло командую мужикам и наливаю себе еще воды.

– Знаешь, а пожалуй, посмотрю на тебя на ринге сегодня, – говорит брат Ильхана.

Вот только Дауда мне не хватает! Если ему зайдет бой, он легко объединится с Ильханом в попытке привязать меня к

«Клетке». Сам по себе клуб ему, может, и неинтересен, а вот бабки, которые можно получать с бойца, он с удовольствием положит на свой счет.

Жестко усмехнувшись, решаю показать хоккеистам-любителям совсем другой темп тренировок. Чтобы мышцы горели и чтобы смотреть на меня с переоценкой, как на товар, Дауду было некогда.

Гоняю их так, что здоровые, крепкие мужики к концу тренировки превращаются во взмыленные тряпки. Устали, все чаще ошибаются. Это наша последняя встреча. У них игра через пару дней. Как раз успеют восстановиться, и тело будет готово к жестким атакам хоккея.

Получаю деньги, жму им руки и, подхватив свои вещи, выхожу в коридор. Кручу головой из стороны в сторону, пытаюсь прикинуть, куда мне сейчас двигаться. Тренер Огонька вряд ли что-то мне скажет. Еще и вопросы девочке задавать начнет. Мой бы начал. Он о нас вообще много всего знал, даже когда мы не говорили. И не сдавал никогда эти мальчишеские секреты. Как все происходит в мире Амалии, я не знаю. Рисковать не буду. Может, эгоистично, из страха потерять шанс быть рядом, хотя бы на расстоянии.

В клубе, где я занимался, проще всего всегда было договориться с врачом, если это не касалось каких-то реально серьезных проблем. Местный не может не быть в курсе травмы своей спортсменки, а значит, надо найти медкабинет. Двигаюсь в противоположную сторону от входа в Ледовый, пере-

бирая найденную в карманах наличку. За такие деньги никого не купишь. Придется переводить с карты.

Звонко смеясь, мимо меня проносится стайка мелких девочек в черных лосинах и таких же купальниках.

– Стой, – ловлю одну из них. – Где врачи у вас сидят?

– Там. – Мелочь взмахом руки выдает мне направление и срывается за подружками.

«Там» помогает слабо. Приходится покрутиться по коридорам, но я все же нахожу дверь с нужной табличкой. Постучав и получив разрешение войти, оказываюсь в кабинете.

– Ты кто? – поднимается из-за стола женщина в белом халате. – Новый хоккеист? Опять меня не предупредили!

– Нет, я не хоккеист. Боксер, – улыбаюсь ей. – Мне помощь ваша нужна.

– А что в Ледовом делает боксер? – Она удивленно смотрит на меня.

– Говорю же, помощь нужна. Не бесплатно, – решаю обозначить сразу.

– Даже так? – Растягивая слова, врач постукивает короткими ногтями по столу.

– Мне нужно, чтобы человек, о котором я спрошу, не узнал о нашем разговоре. Обещаю, ничего криминального. Вы поможете мне, а я помогу ей. Но тихо.

– Какие загадочные пошли боксеры, – улыбается врач. – Садись, – кивает на кушетку. – Что и про кого ты хочешь узнать?

– У вас тренируется девушка с длинными рыжими волосами. Лет семнадцать-восемнадцать, наверное, – прикидываю я. – Амалия.

– Ну допустим, есть такая, – кивает медик, сцепив пальцы в замок.

– Ее ударили. Я хочу знать, кто это сделал. И часто ли такое происходит.

– Интересно. – Она еще пристальнее меня рассматривает. – А с чего ты взял, что ее ударили? На льду тоже случаются травмы.

– Сомневаюсь, что она плашмя рухнула на ваш лед. Значит, прилетело в лицо. От кого и чем?

– Какое отношение ты имеешь к Амалии? – Вместо ответа врач задает встречный вопрос. – Не обижайся, просто слишком очевидно, что вы...

– Я ее защищаю, – перебиваю. Об остальном и так в курсе, можно не напоминать.

– Родители наконец наняли ей охрану? – скептически хмыкает она.

– Я доброволец. Так вы поможете или я пошел дальше искать информацию? – Поднимаюсь с кушетки, нависая тенью над женщиной.

– Да сядь ты, – машет рукой, – доброволец. Лучше знает только тренер, – сразу предупреждает она. – Но я почти уверена, что Ами досталось в колледже. У нас более изошренно воюют за свои места на пьедестале. Дома тоже вряд ли

станут поднимать руку так очевидно. А вот буллинг как раз может быть. Тем более девочка непростая, на крупных соревнованиях высокие места занимает, интервью дает на широкую аудиторию. Красивая. Так что подпортить ей лицо из той же зависти вполне могли, – вздыхает врач.

– Понял, спасибо. – Тяну простой белый листок из подставки. Беру карандаш, пишу на нем сумму, под ней вопросительный знак.

В ответ получаю номер телефона. Перевожу деньги и уточняю, где учится мой Огонек. Выхожу на улицу, прикидываю, как мне туда лучше проехать. Завожу движок и думаю: а почему колледж-то? Уж ее семья точно могла бы позволить себе универ, даже не местный, а столичный. Странная история.

Глянув на часы, сворачиваю на парковку перед учебным корпусом. Сажу в тачке, наблюдаю за входом. В медицинской карте Огонька нашлись и курс, и номер группы, но я не буду ломиться внутрь. Тогда девочка точно все узнает. Попробую вычислить так.

Парни сразу отпадают. Пацаны не будут бить, они скорее зажмут где-то с сексуальным подтекстом. А вот бабы... Бабы в драке как раз всеми силами стараются подпортить сопернице лицо. Надо просто понять, кто способен нанести такую травму.

Расписание я уже пробил. Минут сорок приходится ждать в машине до конца их занятий. Как только народ высыпает на

крыльцо, выхожу на улицу. Ловлю самую шуструю парочку и прошу показать мне студентов нужной группы.

– Вон они, – машет рукой одна из девчонок. – Эти вот трое точно оттуда. Они всегда вместе ходят.

– Спасибо. Слушай, а не знаешь, как зовут ту, что в центре? Вроде ничего такая, – плотоядно улыбаюсь. – Я бы познакомился поближе.

– Чтобы она твои красивые глаза повыбивала? – фыркает вторая.

Женщины... Они даже не замечают, как сдают и топят друг друга.

– Считаешь, у меня красивые глаза? – продолжаю играть.

– Считаю, – тает девчонка. – Как тебя зовут? Я тебя раньше здесь не видела, – флиртует она.

– Раньше не видела, а теперь вот, – указательными пальцами обеих рук провожу от лица ниже. Она следит. – Звать не надо, сам приехал. Так что, скажешь мне, как ее зовут?

– Да Вика это! – злится моя собеседница. – И что ты в ней нашел? Она же агрессивная. Однорукнице сегодня лицо мячом разбила, – косится на трио, уже спустившееся со ступенек.

– Какая горячая. – Физически ощущаю, как улыбка превращается в злой оскал.

– Большой! – фыркают девчонки и убегают, еще пару раз оглянувшись.

А я сажусь в машину. Постукивая пальцами по рулю, на-

блюдаю за тремя подружками, вышедшими за территорию колледжа. Они сворачивают на тротуар. Болтая и смеясь, неторопливо бредут вдоль дороги. Как только расстояние между нами достаточно увеличивается, завожу машину и еду за ними.

Я не бью девочек, если это не чья-то задница во время секса. Но конкретно сейчас соблазн слишком велик.

Глава 13

Данте

По дороге мне попадается небольшой спортивный магазин. Стайка мелких стержней идет слишком медленно, веселясь и дымя «парилками». Забегаю, покупаю первый попавшийся баскетбольный мяч, возвращаюсь в машину и еду дальше.

Подружки отваливаются одна за другой, и необходимая мне Вика сворачивает во двор между двумя многоэтажками. Оставив свою старенькую «бэу» возле одного из подъездов, догоняю девчонку и швыряю баскетбольный мяч, целясь в стену недалеко от ее головы. Взвизгнув, она отлетает от железной двери, а мяч, упав на асфальтированную площадку перед подъездом, катится в мою сторону.

– Ты придурок, что ли?! – орет она.

Усмехнувшись, подбираю мяч, отбиваю его ладонью об асфальт. Он отлично пружинит, все время возвращаясь ко мне.

Иду к Вике, продолжая ритмично отстукивать мячом. Ловлю его обеими ладонями, прокручиваю и снова кидаю в стену. Девчонка опять визжит, пятась от меня.

– Одной против того, кто сильнее, страшно, правда? – Хмыкнув, ставлю ногу на откатившийся ко мне мяч. Подбираю его, еще пару раз отбиваю об асфальт. Вика вздрагивает

при каждом ударе, будто он приходится прямо по ней.

– Что ты несешь? – хрипнет ее голос. – Кто ты такой вообще?!

Ловлю подскочивший мяч, сильнее сжимаю ладонями. Домофон противно пищит. Дверь врезается Вике в спину. Она вынужденно отскакивает. На улицу выходит парень в джинсах и серой толстовке с капюшоном.

– Хай, систер. Это ты тут орешь, что ли? Всех котов в подъезде распугала, – лыбится этот придурок и получает мячом в лицо. – Ай, б-больно! – прижимает ладони к разбитому носу. – Ты что творишь?

– Да что ты делаешь?! – верещит «систер».

– Воспитываю, – шагаю к ним.

Парень кидается на меня, оказывается перехвачен, развернут и прижат к моему корпусу. Давлю предплечьем ему на горло и ладонью сбоку на голову.

– Дернешься, – рычу в ухо, – сам свернешь себе шею.

Пацан застывает, тяжело дыша и хлюпая носом. Его сестра сопит и всеми силами старается не плакать. Ее страх наполняет пространство вокруг нас. Я хочу, чтобы она прониклась этим ощущением. Чтобы каждая ее клетка была наполнена этим липким чувством. Беззащитная, одинокая и, оказывается, не такая уж смелая. Вся спесь моментально улетучивается.

Давлю чуть сильнее на горло ее брата. Он хрипит и дышит отрывисто. Воздуха не хватает, скоро начнет отрубать-

ся. Вика косится на мяч, на меня, на брата. По щеке стекает первая слеза.

– Страшно, когда никто не может тебя защитить? – ухмыляюсь я.

– Отпусти его, пожалуйста, – просит перепуганная девочка. – Он же сознание теряет! Мамочки! Помогите! – снова визжит.

– И ты ничего не можешь с этим сделать, потому что я сильнее. – Давлю на нее, ослабляя хват, чтобы парень все же не отключился. – Маленькая рыжая девочка тоже не может, потому что с толпой ты сильнее.

– Да это шутка была! – топает ногами Вика. – Просто шутка!

– Да я тоже сейчас шучу, – скалюсь в ответ. – Если начну бить серьезно, ему уже ничего не поможет. Предлагаю закончить с таким юмором, чтобы у меня не было соблазна вернуться сюда.

– Я пойду в полицию, – от бессилия угрожает она.

– Смешно, – улыбаюсь шире. – Еще раз кто-то обидит Ами, я приду сюда и спрошу с тебя.

Отпускаю ее брата. Его относит к кирпичной стене, нагретой весенним солнцем. Прислоняется к ней и сползает вниз, приземлив задницу на асфальт.

– Да какого черта? А если кто-то левый полезет? – паникует Вика, но очень старается это скрыть.

– Я все равно приду сюда. И да, Амалия не должна знать о

нашем разговоре. Ты вряд ли захочешь, чтобы весь колледж узнал о твоём позоре. Борзая девочка Вика оказалась обычной слабачкой и трусихой.

Подбираю мяч, раскручиваю его и снова кидаю в стену чуть выше головы её брата. Парень дергается, Вика визжит, и никто не спешит выйти, чтобы за них заступиться.

Поигрывая брелоком с ключами от тачки, ухожу, не оглядываясь на ту, кто чудесным образом из обидчика превратится едва ли не в телохранителя, потому что на самом деле она слабая и перед реальной силой тут же пасует. Вот так, Огонек, я буду рядом. Как умею...

Заезжаю в универ, дико опаздывая на лекцию по языкам программирования. Преподаватель стучит по исписанной доске. Благодарно киваю, перекатывая в тетрадь то, что там написано. Придется разбирать дома. Дальше у нас математический анализ и английский. Гуманитарку я не особо люблю, но без нее специальность мне не светит. Несложно, просто скучно.

Освобождаюсь только к пяти вечера. Выхожу из учебного корпуса. Мимо мчит Серега с очередной доставкой. Поднимаю руку, здороваясь с ним. Ускоряется, гаденыш. Поржав, иду к «бэхе» и еду прямиком в интернат, где сам жил какое-то время.

На проходной меня знают. Без проблем попадаю на территорию. Ничего тут не поменялось с тех пор, как я выпустился. Те же беседки, песочница для младшей группы, тур-

ники и горизонтальная лестница, на которой мы зависали с местными пацанами.

В помещении специфический запах приближающегося ужина. У меня волосы на руках встают дыбом от него, от шума голосов. Так себе детские ассоциации. Ну да и черт бы с ним. На самом деле все могло быть куда хуже, если бы я остался тогда в семье. Ребенку это объяснить трудно. Я вроде взрослый, но все равно не могу ничего утверждать на этот счет. Может быть, было, а может, и нет...

Пару раз стукнув по двери, заглядываю в кабинет директора.

– Даня? – удивляется она.

– Добрый вечер, Нина Антоновна. – Шагнув внутрь, плотно прикрываю за собой дверь.

– С ума сойти! – Поднявшись из-за стола, идет ко мне, проводит ладонями по рукам, крепко сжимая их в некоторых местах. Смотрит снизу вверх. – Еще здоровее стал. Что же ты делаешь с собой?

– Вверх вырос, теперь расту в стороны, – улыбаюсь. Хорошая она, строгая, но тут иначе нельзя, будет беспредел.

– Татуировок с нашей последней встречи тоже стало больше, – ворчит Нина Антоновна, коснувшись той, что набита на тыльной стороне ладони. – Что-то случилось у тебя, Даня? – заглядывает в глаза. С ее опытом работы с детьми ничего не скроешь. Сканер, мать ее!

– Я насчет Ромки и Мишки хотел поговорить. Есть у вас

пара минут для меня?

– Чай будешь, Дань? – Нина Антоновна отходит к шкафу-чаю, где всегда есть пачка заварки, ее любимый рафинад и печенье.

– Можно, – пожимаю плечами.

В детстве этот кабинет казался мне больше, а сейчас пара шагов – и я уже у ее стола. Выдвигаю стул, сажусь, устраивая руки на столешнице.

– Рассказывай. – Нина Антоновна ставит передо мной чашку с кипятком.

– Заберите пацанов из семьи, – прошу ее.

– А сам сбегал постоянно, – смеется она.

– Они не будут, я обещаю. Заберите их оттуда. Я могу какие-то деньги переводить за них. Пока немного, но чуть позже будет больше. Они на секцию по боксу ходят, спортивные, медальки будут приносить. Нина Антоновна...

– Даниил, это же не я решаю. Ты понимаешь?

Я киваю.

– Насколько я помню, опека была в вашей семье. Никаких постановлений на изъятие мальчишек не выносилось.

– Но можно же инициировать новую. Там же кошмар! – завожусь я.

– Тимирязев, потише! – делает замечание Нина Антоновна.

– Извините. Но там реально пи... – сглатываю мат под ее строгим взглядом. – Дышать нечем, все бухлом и сигаретами

провоняло. Пацанов в школе обзывают. У Мишки синяки от пальцев.

– Ты, надеюсь, глупостей не наделал? – хмурит брови директор интерната. – Если тебя посадят, у пацанов никого не останется.

– Может, тогда их заберут? – исподлобья смотрю на нее.

– Ерунду не говори, Дань! – осаживает она.

– Да зае... достало все! – Отодвинув чашку, опускаюсь лбом на столешницу. – Мне туда каждый раз ехать страшно. Посмотрите на меня. Мне на ринг выходить не так стремно, как попадать в квартиру этих... – Снова глотаю все, что крутится на языке. – Мать еще рожать собралась. Нина Антоновна, вы же с опекой тесно работаете. Помогите мне.

– А школа что?

– Да ничего. Всем плевать! Ромка старается, учится, чтобы на бокс ходить. Мы с ним так договорились. Мишка в садике, Ромыч водит, когда успевает. Вопросов ни у кого нет. Заберите их, Нина Антоновна.

– Давай так, – вздыхает она. – Я попробую поговорить, но ничего не обещаю. Даже если соберут комиссию, Дань, решение будет за ними.

Беру листочек. Пишу на нем свой номер и прошу позвонить, как только будет хоть какая-то информация. Допиваю чай, коротко отвечая на вопросы Нины Антоновны. Мне особо нечего ей рассказывать. О моей жизни после интерната она знает поверхностно. Пусть так и остается.

– Дань, – улыбается директор, – поужинать со всеми не желаешь?

– Нет, спасибо. Мне ехать пора.

Времени остается впритык, чтобы заскочить домой за сумкой с вещами, забрать Дану и рвануть в столицу.

* * *

– Я скучала, – хнычет Дана, повиснув у меня на шее и уткнувшись губами в ухо. – Какого черта ты меня игнорировал?

– Не выноси мне мозг перед боем, – уворачиваюсь от ее поцелуя.

– Молчу! – Облизнув губы, кладет ладонь мне на бедро, массирует, двигаясь к паху.

– Дана, я же сказал! – убираю ее руку с ширинки. – Потом. Она всю дорогу что-то болтает, я не слушаю. У меня своего мусора в голове хватает, чтобы принимать туда еще и ее.

Добираемся. Через охрану проходим в зал. Цепляю взглядом знакомые лица. Дауд здесь в компании брата и пары девушек из эскорта. Замечаю Калинина. Он поднимает руку, приветствуя меня. Дану пропускаю вперед, а передо мной вырастает амбал на башку выше.

– Чего хотел? – интересуюсь у него.

– С тобой хотят поговорить.

– Максим, ну что ты так, у мальчика сложный бой сего-

дня, – слышу знакомый женский голос. – Здравствуй, Данте, – напомаженным ртом улыбается та самая тетка, что все пытается меня выкупить в свою кровать.

– Добрый вечер. Вы чего-то хотели? – стараюсь держаться ровно и максимально холодно.

– Ильхан сказал, ты капризничаешь. – Ее ноготь впивается мне в грудь. – Я мало предлагаю? Мы можем обсудить это без твоего хозяина.

– Ильхан мне не хозяин. Я не продаюсь. Мне пора готовиться. – Я делаю шаг в сторону, чтобы обойти ее охранника. Тот снова пытается встать у меня на пути, получает кулаком под дых.

– Какой мальчик, – вздыхает женщина. – Я предложу больше, Данте.

– Не стоит. – Хлопаю ее охранника по плечу, отталкиваю в сторону и ухожу в раздевалку.

Дана налетает с вопросами. Усаживаю ее на скамейку и быстро переодеваюсь. Затягиваю руки в перчатки без пальцев, надеваю неизменную маску. Прямо в ней интенсивно разминаюсь, разгоняя пульс и дыхалку.

На ринг выхожу злой как черт. Все, что кипит внутри, лавиной ударов выливаю на противника. Без жалости, без тормозов. Коленом под ребра, в лицо, выбивая капу. Следом с ноги лишаю его пары зубов. Он теряется, держась на ногах из упрямства. Кидается на меня, ухожу в сторону, оказываясь за спиной. Хватаю ладонью за шею, проношу через ринг

и вжимаю лицом в сетку под довольные вопли толпы.

Они сегодня тоже кровожадные. Хотят жестче.

– Добивай! – рычит Ильхан, стоя прямо у сетки. В его глазах азарт. Он иногда ставит на своих сильных бойцов. А тут еще его брат пожаловал. – Данте, добивай! – требует он.

Цезарь, чтоб его! Дернув совсем потерявшегося соперника от сетки, с подсечки кладу пузом на ринг. Упав на одно колено, наношу несколько сильных ударов кулаками в лицо. Он отключается и больше не приходит в себя. Живой или нет – без понятия, медики будут смотреть, но где-то в глубине души я надеюсь, что живой. Выхожу с ринга. Ильхан хлопает меня по плечу. Довольный. Брату что-то говорит, меня глушит криками и музыкой, я не слышу.

– Знаешь, сколько ты мне принес сегодня? – довольно скалится хозяин «Клетки». – Красавчик. В качестве бонуса скажу твоей поклоннице, что ты сегодня устал и не готов дать ей ответ. Отдыхай. Молоток, Дан! – Он снова хлопает меня по плечу и уходит к Дауду.

А я вхожу в раздевалку. Дана сидит на скамейке, копается в телефоне. Беру ее под руку, увожу за шкафчики, прижимаю лицом к стене и задираю платье.

– Тихо ты. Осторожнее, – возбужденно шепчет она.

– Резинки есть? – хриплю ей в ухо.

– В сумке. Не уходи...

Но я ухожу за презервативами. Возвращаюсь и, отключая башку, забиваю на то, что там ходят участники сегодняшних

боев. Вообще на все забиваю, оставляя лишь инстинкты и желание слить остатки адреналина в секс. Поймав оглушающий оргазм, закрываю глаза, прижимая Дану к стене еще пару минут.

– Такой дикий сегодня, – мурлычет она разомлевшей кошечкой.

– Домой поехали. – Отхожу от нее, стягивая резинку и поправляя шорты.

Быстро принимаю душ. Не узнавая, что с моим соперником, и не глядя на происходящее на ринге, обхожу горящих в азарте посетителей. Выхожу на улицу. Ночная прохлада остужает разгоряченное тело. Садимся в тачку. Дана ерзает рядом.

– Ты чего такой мрачный?

– Ты видела бой? – поворачиваюсь к ней.

– Да. Ты был ужасно прекрасен, – проводит языком по моему уху. – Меня страшно заводит, когда ты такой. Мощный, грозный.

– Ясно, – усмехаюсь, глядя на темную трассу.

– И что же тебе ясно? – Ладонь Даны опять добирается до моей ширинки.

– Все, – прикрываю глаза, гася в себе первое сопротивление и позволяя ей ласкать себя.

Везу ее к себе в вагончик, и мы жестко занимаемся сексом. Она засыпает, а я выхожу на улицу. Поднимаю взгляд к ночному небу, усыпанному звездами. Напряжение отпусти-

ло, тело расслабилось, а внутри будто выжженная земля. Пусто и темно...

Сделав несколько глотков свежего сладковатого воздуха, тихо возвращаюсь в вагончик. Накидываю на голую Дану одеяло. Надеваю «белую ночь» и свободную майку. Сверху куртку. Забираю телефон со стола. На экране сообщение из банка. Деньги за бой пришли. Много. Это не просто так, но мне все равно пусто. Единственное, о чем я думаю, – завтра смогу перевести бабки Калинину, и мой долг станет немного меньше.

Сажусь в «бэху» и как дурак еду в Красные Зори, чтобы смотреть на окно, пока никто не видит, и представлять, как спит Огонек.

Глава 14

Амалия

Глаза открываются с трудом. Добрую половину ночи у меня болела голова, а потом приснился очень странный сон.

Сначала кошмар, в котором мой мозг пририсовал Вике и ее компании клыки, жуткие когти, длинные хвосты, рога и светящиеся красным глаза. Они больно швырялись в меня камнями. Я пыталась увернуться, но по затылку все равно прилетело, и голова стала болеть сильнее. А потом демоникам стало скучно, и они, окружив меня с трех сторон, шипя, стали тянуть ко мне когтистые лапы. Я ощутила всю свою уязвимость перед толпой монстров. Было очень-очень страшно и мерзко от себя, потому что не получается их победить. И когда я дошла до пика отчаяния, готовая сама броситься на чудовищ, а там будь что будет, с неба упал огромный дракон, закрывая меня своим массивным телом в сияющих рунах, расправил крылья и выдохнул из пасти горячее пламя. С такой фантазией мне бы книжки писать...

Хихикнув, поднимаюсь с постели. В комнате уже светло, несмотря на закрытые занавески. Босиком шлепаю к письменному столу. На спинке стула на одной лямке висит рюкзак. Достая таблетки и выпиваю одну по инструкции нашего врача.

Тюбик с мазью от синяков лежит на столе, но сначала я лезу в тайник за дневником, чтобы все же записать этот странный сон. Рисую всякую ерунду под текстом, а ниже старательно вывожу красивое имя «Данте». Губы сами собой улыбаются, и прямо в пижаме я тянусь к занавескам, раздвигая их в стороны. Сердце делает сальто и, замерев на секунду, бьется так осторожно, будто ему нужно на это особое разрешение.

Возле участка Калинина стоит машина. Та самая, потерянная, старенькая, черная. А внутри ОН. Устроив руки на руле, уткнулся в них лбом и не двигается. Похоже, спит. К его машине идет наш дядя Леня. Стучит в стекло. Мне за ним совсем не видно, что там происходит, но вдруг становится волнительно. А вдруг загадочный Данте не спит? Что ему тут, собственно, делать в такое время? Да еще и погода портится. Март порадовал нас несколькими днями тепла и затянул небо тяжелым свинцом, предвещая то ли дождь, то ли снег. Надо будет посмотреть прогноз на сегодня. Если будут осадки, бригада Калинина вряд ли выйдет на работу. И вопрос остается прежним: что тогда тут делал Данте? Приехал ко мне?

Прилипаю ладонями к стеклу и с облегчением выдыхаю, когда Дракон выходит из машины и пожимает ладонь нашему водителю. Трет глаза, лицо, проводит по коротким волосам и тянется так, что надетая под его курткой майка поднимается, оголяя полоску кожи над широкой резинкой каму-

фляжных штанов. Парень озадаченно смотрит на небо, поводит плечами и говорит с дядей Леной.

Водитель уходит к нашему дому, а Данте поднимает взгляд прямо на мои окна, и мы снова застываем, глядя друг на друга. Он улыбается коротко, это скорее похоже на усмешку. Качает головой, отворачивается и обеими ладонями проводит несколько раз от затылка к макушке и обратно. Пинает колесо своей машины. Снова разворачивается ко мне. Я даже на расстоянии ощущаю, как потяжелел его взгляд. Данте кусает нижнюю губу, но все же снова улыбается мне, спрятав руки в карманы штанов.

В стекло ударяет сразу несколько капель дождя. Они оставляют темные пятна на асфальте, оседают на куртке Данте. Стихия расходится буквально за минуту, превращаясь в стену воды, дополнительным слоем отделяя меня от Дракона с красивым голосом и дерзкой ухмылкой. Я только смутно могу разглядеть силуэт его машины, которая разворачивается, уезжает, а мне пора собираться на учебу. Больничный к ней не имеет никакого отношения.

Отлипнув от стекла, наношу мазь от синяков на переносицу и под глаза, а сама улыбаюсь. Ругаю себя и все равно улыбаюсь. Во мне все сильнее растет противоречащее любой разумной логике ощущение – ОН у меня есть. Этот большой татуированный Дракон. Когда он появляется в зоне видимости, я перестаю чувствовать себя одинокой. Данте словно приучает меня к себе, заманивает, привязывает, и я не

хочу сопротивляться, я хочу спрятаться в его крепких руках и слушать глубокий, низкий голос.

Растворившись в своих мыслях, уже перед выходом из комнаты вспоминаю, что так и не спрятала дневник. Быстро убираю его в тайник, сверху усаживаю мишку и отправляюсь на завтрак.

Увидев меня, сестра довольно посмеивается.

– На твоём месте я бы осталась сегодня дома, – привычно язвит она. – Выглядишь как бомж, который в прошлом году решил поселиться у нашего пруда.

– Только и можешь, что гадости говорить, – зло смотрю на Аделину. – Ныть и маме жаловаться, а для того, чтобы чего-то добиться, ты слишком ленива. Так что на моём месте тебе точно никогда не бывать.

– Посмотрим. – Ада крепко сжимает в кулаке вилку. – Когда твоя фигурка закончится, ты больше никому не будешь нужна, – ядовито улыбается.

– Что у вас тут происходит? – Прохладный тон мамы немного разбавляет накалившуюся обстановку.

– Ничего, – отвечаем нестройным хором, утыкаясь взглядом каждая в свою тарелку.

– Аделина, твой больничный закончился. Водитель развезет вас с Амалией по учебным заведениям. После уроков сразу домой. Придет твой педагог по музыке, – озвучивает она планы на день. – Ами, как твоя голова? – и тут же добавляет, не дожидаясь ответа: – Синяки ужасные, конечно. До

сих пор не понимаю, как ты умудрилась так упасть. Столько тренировок пропустить из-за банальной невнимательности. Ладно, ты в Ледовый поедешь после колледжа?

– Да. – На этот вопрос я ей все же отвечаю.

– Мне надо будет уехать. Скорее всего, до вечера. Это не значит, что вам можно бездельничать или шлаться непонятно где, – намекает на мою недавнюю прогулку.

– Мам, а можно я после музыкалки пойду к Лиане? Я же пропустила несколько дней. Она поможет мне подтянуть, – тут же лебезит Ада.

– Можно. Напомни мне обратиться к твоим педагогам, чтобы они включились в этот процесс.

Аделина, конечно же, не будет заниматься. Может, напишет пару примеров или предложений в тетрадь, чтобы отчитаться перед мамой. А все остальное время они будут развлекаться. А мне и попроситься не к кому, поэтому я молчу под довольным взглядом сестры.

Закончив с завтраком, разбегаемся по комнатам. Собираемся. Дождь немного успокоился, но так и не прекратился. Температура воздуха прилично упала, и я достаю из шкафа тонкую водолазку, к ней удлиненный свободный жилет без застежек, а сверху песочный плащ. В тон ему у меня как раз есть ботинки, которые отлично смотрятся с джинсами. Рифленая подошва напоминает о Данте, и я не сразу замечаю, как снова начинаю улыбаться.

Наношу аккуратный маскирующий макияж, подвожу гла-

за, губы. С волосами приходится возиться дольше. Самой заплетать сложную косу не очень удобно, но я справляюсь. Прикалываю несколько заколок с маленькими серебряными цветочками на концах. Вот и все, вроде готова.

Плащ накидываю в последнюю очередь. Беру рюкзак и спускаюсь к машине. Аделина ерзает на переднем сиденье, а я, как и всегда, устраиваюсь за спиной дяди Лени. Сестре до школы можно было бы и пешком дойти, но это же не по статусу Разумовских, поэтому буквально минут через пять мы высаживаем ее и едем дальше.

Я комкаю лямки рюкзака, готовясь к очередному сложному дню. Мандраж как у спортсмена, вернувшегося на лед после травмы. Живот болезненно сжимается, во рту пересохло, дышится через раз, но надо идти и постараться сделать вид, что ничего не произошло.

Поднимаясь по ступенькам, ловлю на себе несколько странных взглядов. Пожав плечами, вхожу в учебный корпус и сразу сворачиваю к лестнице. Мне на второй этаж. Знакомая компания обнаруживается в аудитории. Увидев меня, Вика набирает в грудь воздуха и тут же сдувается, как воздушный шарик. Толкнув в плечо одну из своих подруг, отворачивается.

Удивленно моргнув, сажусь на свое привычное место, а вокруг меня никого. Впереди стол пустой, сбоку тоже. Те, кто сидел за ними, переместились за другие свободные парты.

После лекции мне дали выйти из аудитории в числе первых, а позже у автомата с напитками никто не оттащил за рюкзак с воплем: «Куда ты лезешь, мажорка? Мы тут стояли!»

– Ами, шоколадку хочешь? – подходит ко мне одна из девочек нашей группы. Мы не общались, и я, честно говоря, даже не помню, как ее зовут.

Настороженно смотрю на одногруппницу и по сторонам в ожидании подставы.

– Нет, – вежливо отказываюсь, – мне нельзя.

– У меня еще яблоко есть, – спохватывается она.

– Я ничего не хочу, спасибо. Только воду, – демонстрирую ей бутылку.

– А я смотрела все твои выступления в этом сезоне, – не отстает девушка. – Ты крутая.

– Спасибо, – растерянно отвечаю. – Я пойду. – Поправив рюкзак, сворачиваю за угол, прикладываю к губам бутылку, забыв, что не открутила крышку.

Все же хорошо! Надо радоваться, но от резких перемен складывается ощущение, что вокруг разворачивается сюжет старого триллера с дурацким музыкальным сопровождением: ничего криминального еще не произошло, а тебе все равно жутко, потому что ты подсознательно ждешь нападения того самого невидимого маньяка, ведь где-то за кадром он точно есть.

После занятий я спокойно выхожу из корпуса. Та самая

девочка с шоколадкой бросает мне «пока» и бежит вниз по ступенькам.

– Пока, – тихо отвечаю ей, понимая, что она уже вряд ли услышит.

Спускаюсь к нашей машине. Сначала дядя Леня везет меня в Ледовый на осмотр к врачу, а оттуда сразу домой. Дождик прекратился, и я надеялась погулять пару часов, но у мамы отменились дела, так что планы приходится корректировать.

В нашей гостиной Ада насилует несчастное пианино. Зажав уши ладонями, бегу к себе. Дверь в мою спальню открыта. Шагаю внутрь, и сразу же ловлю приступ тошноты.

А вот и тот самый «маньяк»... Сидит вполоборота на моем стуле, перелистывая страничку личного дневника, а в сетчатой корзине для мусора лежит розовый медведь.

Мама...

Глава 15

Амалия

На секунду мне кажется, что сейчас я потеряю сознание. Там... там, на этих страничках, очень личное. Мои страхи, мои переживания, мои мечты. Про маму, про папу, про сестру. Данте появился недавно. Я так надеюсь, что мама не дочитала до этого момента. И тут же очень сильно злюсь на себя за этот страх. Просто он давно живет внутри. С самого детства.

Помню, как еще в начальной школе я редела над тетрадками, вновь и вновь переписывая домашнее задание. Оно должно быть идеальным, без единой пометки. А у меня от слез размывалась синяя паста, и мама выдирала сразу несколько промокших листов из тетради. Я начинала переписывать сначала классную работу, а потом домашнюю. Руки дрожали, обидно было до ужаса, ведь училась я тогда неплохо.

И на тренировки она ходила со мной. Это сейчас я взрослая, а тогда родителям положено было присутствовать. Мало ли что. И после тренировок девчонок хвалили. Ту же Олю Василевскую. А мне только высказывали, где я опять ошиблась и где недотянула ногу.

Дружить было некогда, надо было дотягивать. Всегда. И я

старалась. Мне так хотелось, чтобы мама с папой меня похвалили! Сказали, что я молодец, что они меня любят хоть за что-нибудь. Любовь тоже нужно зарабатывать, ее нужно заслужить... Видимо, я недостаточно стараюсь, раз мама позволила себе рыться в моих вещах, лезть в личный дневник. А вдруг это не в первый раз?

Внутри все тут же холодеет, но я быстро отметаю эту мысль. Она бы не стала молчать. А я... Да черт! Может быть, я сама хотела бы что-то ей рассказать, поделиться, спросить совета в других обстоятельствах. Но у меня есть только обязанности, долг перед семьей и тетрадка, на страницы которой можно выплеснуть то, что болит внутри, и задать вопросы, на которые у меня нет ответов. Если бы не спорт, наверное, я бы сломалась. А может быть, уже сломалась, просто еще не понимаю этого?

Злость и обида так сильно давят изнутри, ломают ребра и разгоняют ритм сердца. Еще этот розовый медведь лежит в мусорной корзине последней каплей моего терпения, разливающегося по венам раскаленным металлом.

– Это мое! Зачем ты лезешь?! – кричу я, как, наверное, еще никогда в своей жизни не кричала. До моментальной хрипоты и жжения в легких.

Мать ошарашенно приоткрывает рот, крепче сжимая мой дневник пальцами, а я подхожу и выдергиваю из ее рук эту несчастную тетрадку. Она надрывается, но оказывается у меня. Наклоняюсь и достаю медведя из корзины. Прижимаю

это все к себе словно единственную ценность, что у меня есть, чувствуя, как меня бьет крупной, заметной даже матери дрожью.

– Что ты вытворяешь? – облизнув идеально покрашенные губы и поправив прическу, негодует мама, даже сейчас стараясь держать идеальную осанку.

Это так бесит! До зуда в солнечном сплетении.

– У меня должно быть хоть что-то личное! – снова кричу. Я сейчас не способна говорить спокойно. Все, что так долго копилось, сочится из всех клеток. – Я и так делаю все, что ты требуешь, мам. У меня есть только твоя жизнь! И вот этот клочок своей, – трясущей тетрадкой и игрушкой. – Но ты решила отнять у меня все! За что, мама? Что я тебе сделала? Что со мной не так?

Слезы застилают глаза. Пальцы сами собой впиваются в плюшевого зверя. Надо взять себя в руки, а я не могу. Правда никак не могу. Со мной такого никогда не случилось. Чтобы накрывало настолько сильно, что не было сил бороться со стихией навалившихся эмоций. Все, что я могу, – только дать им волю. Опустошить себя. Может быть, тогда станет легче...

– У тебя истерика, – холодно отвечает мама, грациозно поднимаясь со стула.

Ее лицо надменное, взгляд высокомерный, и дрожать я начинаю все сильнее. Потому что все мои слова – как удары хрупкого тела о толстую броню из самого прочного в мире

металла. Они только меня рвут на части, только мне делают больнее. А ей все равно. Ее невозможно пробить, я никак не могу достучаться до материнского сердца. Оно там есть вообще? Живое?

– Да, мама. Да! – топаю ногой. – Истерика! Потому что я так больше не могу! Я чувствую себя в тюрьме, где за каждый неосторожный шаг на тебе затягивают строгий ошейник или пускают ток по прутьям твоей клетки!

– Не повышай на меня голос, Амалия. – Мать хватается за ухо моего плюшевого медведя и пытается выдернуть его из моих рук, а я на эмоциях дергаю его обратно на себя. Выходит слишком резко, розовое ушко надрывается по шву, а мама заваливается на меня. Отталкивается ладонями. Ее красивое ухоженное лицо искажается, в глазах происходит что-то нечитаемое, и мою щеку обжигает сильная пощечина. Голова дергается, на секунду в ушах появляется звон, и даже слезы срываются с ресниц с задержкой, словно и у них случился шок.

– Ами... – Она трет тонкими пальцами ладонь, которой меня ударила.

Впервые в жизни! Это так ужасно. Так унижительно и очень-очень больно.

У меня дрожат губы, горят внутренности от несправедливости и сильной обиды. Мне кажется, прямо сейчас я взорвусь и разлечусь по комнате, оседая на стенах и дорогой мебели.

– Амалия, я... – снова пытается говорить мама.

А я разворачиваюсь и выбегаю из комнаты.

– Ами, стой! – кричит она мне вслед.

Нет, нет, нет! Не могу, не хочу стоять! Не хочу здесь находиться! Где угодно, только не здесь! И под ее крики я несусь по ступенькам на первый этаж. Ничего не видя перед собой, только слыша фоном бряканье несчастного пианино, бегу прямо к двери.

– Амалия, остановись! – все еще кричит мама, стараясь успеть за мной на своих каблуках. Я слышу их стук за спиной, и это придает мне сил.

Оказавшись на улице и все еще прижимая к себе свои испорченные драгоценности, несусь к воротам. Хватаюсь за ручку двери, ведущей за территорию нашего дома. Она мокрая от недавно прекратившегося дождя и кажется очень-очень холодной.

Выскакиваю на тротуар, следом на дорогу. Наступаю в лужу. Брызги от моих ботинок летят во все стороны, наверняка пачкая джинсы и даже плащ, который я так и не успела снять.

У дома Калинина стоит большая машина. Из нее что-то выгружают. Желая быстро спрятаться, я несусь мимо грузчиков и со всей силы врезаюсь в глыбу с самыми сильными в мире руками.

– Забери меня, – умоляю татуированного Дракона, все еще ничего не видя перед собой. Я его чувствую. Тепло, запах, мощное сердце, бьющееся за грудными мышцами. – З-

забери м-меня, – повторяю, стуча зубами, – пожалуйста...

Глава 16

Данте

Тело реагирует быстрее головы. Обеими руками обняв дрожащего Огонька, поднимаю ее над землей и уношу за угол, закрывая собой и жалея, что у меня нет крыльев, которыми можно было бы ее укрыть. Она рыдает в голос, уткнувшись мне в грудь лицом. Челюсти сводит от злости. Нам под ноги прямо в слякоть падает порванная тетрадка и розовый медведь с надорванным ухом. Что делают эти изверги с хрупкой девочкой?

У нее и правда нет никакой брони. У меня ощущение, что она голая, и я нахожу позу, в которой получается еще хотя бы немного прикрыть Огонька собой.

Ами же не знает меня. Я чужой. Свидания через стекло и мелкие подарки не считаются. Я могу оказаться чудовищем. Черт! Да я и есть самое настоящее чудовище, но Огонек доверяет мне свои слезы. Что? Что, мать его, надо было с ней сделать, чтобы она к левому мужику за помощью побежала?!

Меня настолько разрывает от злости, что накрапывающий дождь и противная сырость теперь не имеют никакого значения. Мир сужается до нее одной – моей маленькой девочки, моего Огонька, который надо защищать.

Клянусь, я пытался держаться на расстоянии. Это было

бы правильно. Но она уже здесь. Я держу ее в своих руках, ощущая то самое солнце в груди, которое включается как лампочка только рядом с ней.

– Тихо, тихо, Огонек. Я рядом. – Одеревеневшими от напряжения пальцами веду по ее мягким рыжим волосам. Она еще сильнее вжимается в меня, и я снова обнимаю ее обеими руками. – Держу. Я держу тебя, маленькая.

Лопатками чувствую на себе слишком пристальный взгляд, вспоминая, что мы вообще-то тут не одни. Чертова магия!

Погода сегодня полное дерьмо, и все работы на участке были отменены, но планы поменялись. Дождь стих, у поставщика стройматериалов случилась накладка, и часть заказанного Калининским привезли аж на два дня раньше. Он мог бы перенести доставку на удобное ему время, ведь проблемы компании-поставщика – это только их проблемы, но Игорь Саныч все переиграл, дернул меня и еще нескольких мужиков на разгрузку. Мы минут двадцать как подъехали, и тут она...

Оглядываюсь. Калинин смотрит на меня, вопросительно приподняв бровь. Со стороны улицы к нам неумолимо приближается торопливый стук каблучков, каждым своим ударом отдаваясь в моей груди очередным приступом жгучей злости.

– Амалия! – зовет Снежная королева. – Ами, вернись сейчас же!

– Нет! – взвизгивает Огонек. – Не отдавай меня, – шепчет, обнимая чуть выше пояса.

И дышится еще труднее от ее доверчивости, хрупкости, такой трогательной близости. Я весь в мурашках, будто ко мне впервые прикоснулась девушка.

– Что ты устраиваешь? – возмущается ее мать. – Игорь! – зовет она Калинина.

Мы с ним снова пересекаемся взглядом. Он неожиданно прикладывает палец к губам. Я прижимаю Ами еще крепче к себе, наступая грубой подошвой ботинка на тетрадку, топя ее в грязи. Там явно личное, то, что больше никто не должен видеть.

– Ш-ш-ш, – глажу Огонька по спине. – Я спрятал, не бойся.

Игорь Александрович выходит к Снежной королеве. До нас долетает начало их разговора.

– А чего не заходишь? – спокойно интересуется он.

– Грязно у тебя там. Она же к тебе забежала? Больше некуда. Мы повздорили. Игорь, будь добр, скажи Амалии, чтобы прекратила нас позорить такими сценами и вернулась домой...

Голоса и шаги отдаляются. Их быстро перекрывает грохот разгружаемого строительного материала. Я слышу только всхлипы Огонька. Ее истерика почти стихла. Как бы сейчас она сама не испугалась того, что натворила, прибежав ко мне. Или, может, так было бы лучше?

Да черта с два я отпущу теперь! Но куда я ее? Потом буду думать. Сейчас в голове такая каша и сердце не дает дышать, пытаюсь проломить ребра и упасть прямоком в ее ладони. Представляю, как светлый, теплый Огонек испугается этого скукоженного, почерневшего уродца, в котором из хорошего разве что она и пара мальчишек, будущее которых еще можно спасти.

Калинин возвращается к нам.

– Данте, твой рабочий день на сегодня окончен, – неожиданно объявляет Игорь Саныч. – К десяти Амалия должна вернуться домой. Тронешь, – показываем мне кулак, – я тебе сам яйца отстрелю, – понижает голос.

– Не трону, – обещаю ему.

Да куда, блин?! Что я, debil совсем, что ли? Не вижу, куда влип по те самые яйца?

– Ты не расплатишься со мной, Данте, – усмехается Калинин.

– Я уже понял, Игорь Саныч. Спасибо.

По поводу его неожиданной щедрости мы тоже пообщаемся позже. Такие люди ничего не делают просто так. Нужен я ему. Не знаю, правда, зачем. Не говорит пока, но задницей чую, что будет удивлять.

– Валите уже. – Он небрежно машет в сторону ворот. – Стой, – тут же тормозит. Сначала выходит сам. Звонко свистит водителю: – Слышь, тачку свою сюда ближе подгони.

– Зачем? – разносится эхом.

– Потому что я так сказал! – рывкает Игорь Саныч.

Ами вздрагивает, я снова плотнее сжимаю кольцо из своих рук вокруг нее.

Массивная тачка с шипением и характерным хрипом заводится, трогается с места и медленно катится вперед, набрасывая тень от прицепа на участок. Моя «бэха» стоит прямо за ней.

– Все, вот теперь валите, – вернувшись, отправляет нас Калинин. – Ами, – зовет ее. Шмыгнув носом, она поворачивает к нему голову. – Успокойсья – с мамой надо будет поговорить.

– Она... – судорожно выдыхает Огонек, – не слышит.

– Попробуй еще раз, ладно? – удивительно мягко просит он.

Ами молчит. Она точно не готова сейчас никому ничего обещать. Наклоняется, поднимает грязного медведя и сама совсем не случайно наступает на собственную тетрадку. Значит, я все понял правильно. Слишком личное...

Забираю ее с собой в машину и, дав по газам, сразу еду к выезду из города. Как пьяный от футболки, пропитанной ее слезами, от запаха, наполняющего машину, от того, что Огонек здесь. Сама пришла! Ко мне!

Затылок обжигает, короткий ежик волос встает дыбом. И нет никакого плана, как быть дальше. Есть понимание, что я больше не смогу держаться на расстоянии. Должен. Мать его, обязан! Но не смогу.

– Тебя правда зовут Данте? – тихо спрашивает Огонек.

Удивительная девочка. Я даже не сказал, куда везу ее, а она интересуется, как меня зовут.

– Даниил, – представляюсь я. – Но Данте привычнее.

– А я Ами... – ковыряет ногтем свои джинсы. – Амалия.

– Знаю. – Удобнее перехватив руль одной рукой, второй ловлю ее ладошку и крепко сжимаю.

– Откуда? – Тонкий прохладный пальчик ее свободной руки касается татуировки на тыльной стороне моей ладони, водит по конкуру рисунка, а у меня в висках пульс отбивает какие-то дикие ритмы, и перепачканный, «травмированный», нелепый медведь, сидящий на панели, словно смотрит с насмешкой.

Дергаю головой, хрустнув позвонками. Хочется порычать на Огонька. Что она со мной делает сейчас? Это... Черт, я даже не знаю, с чем сравнить! Когда хрупкая принцесса сама пришла в лапы к дракону. У него за ребрами полыхает, а она доверчиво гладит его крылья, и он давится собственным огнем, пытаясь проглотить его вместе с дымом, лишь бы только не напугать и случайно не ранить. Только у драконов замки, сокровищницы, если верить сказкам, а я пока могу предложить ей только себя.

– Слышал, – отвечаю на ее вопрос. – Тебе все равно, куда мы едем?

– Главное, чтобы подальше от дома, – тихо признается она, продолжая обводить рисунок на моей руке.

Глава 17

Данте

Громкое урчание в животе Ами подсказывает мне первый пункт нашего плана на сегодня. На ее бледных щеках появляется легкий румянец, и, распутав наши ладони, она обнимает себя обеими руками.

– Извини, – говорит тихо и хрипло.

А я пытаюсь сообразить, чем и где ее можно покормить. Не знаю же ничего. Что она ест? Есть ли аллергия? Что любит вообще? Могу только представить, к каким заведениям она привыкла.

– Ты мясо ешь? – спрашиваю у нее.

– Я не хочу есть, – обнимает себя сильнее. – Тошнит немного, – признается.

– Это нервное. Попробуй расслабиться, дыши глубже. Сейчас все пройдет.

Она опускает руки на колени, как примерная девочка. Упирается затылком в подголовник и шумно вдыхает, прикрывая глаза. Кусает пересохшие губы, тяжело сглатывает. Ее желудок снова издает беспокойные звуки, а у меня в машине даже воды нет. Если окошко приоткрыть, Ами замерзнет.

Давлю на газ, пока позволяет дорога. В плотном столич-

ном потоке приходится снижать скорость. Ищу ближайший магазинчик, возле которого можно удобно припарковаться. Покупаю Огоньку хорошую воду без газа и возвращаюсь в машину. Откручиваю крышку, протягиваю Ами бутылку.

– Спасибо. – Она делает несколько маленьких глотков. От нервного спазма пить залпом не получается. Этим-то едва не давится.

Как погасить пожар внутри, я не знаю. Мой мозг просто не желает усваивать то, что ее могли так сильно обидеть. Хочется казни для всех, кто приложил к этому руку. И покормить ее все же надо, но не просто ради утоления голода, а в качестве лекарства.

Снова перехватываю руль одной рукой, второй по картам в мобильнике ищу хорошее кафе с десертами. Приходится немного покрутиться, прежде чем взгляд сам цепляется за кремовую вывеску с куском торта. Останавливаюсь, выхожу из машины, оббегаю ее спереди и открываю Амалии дверь.

– Иди сюда, – протягиваю ей руку.

Маленькая ладошка оказывается в моей. Легко, доверчиво, будто мы всегда знали друг друга, а не познакомились в моей машине несколько минут назад.

Веду ее за собой в заведение. Над головой мелодично звенит колокольчик. Вокруг все такое же ванильно-кремовое. Чувствую себя здесь абсолютно нелепо. Не моя атмосфера, но на это тоже плевать. Мы пришли за «лекарством».

Выбрав столик, забираем меню у улыбчивой официантки.

– Я правда не хочу есть и... – Ами отводит взгляд. – Я же не ем такие десерты.

– Сегодня ешь, – командую я.

Она нервно улыбается, снова заглядывая в меню. В ее глазах появляется что-то совершенно искреннее. Предвкушение, но с нотками страха. Вдруг сейчас отругают за то, чего ей нельзя.

– Огонек, – давлю пальцем на край меню, опуская его на стол, – ты сегодня поймала мощный выброс адреналина, норэпинефрина и кортизола. Бешеный коктейль, который сжал твой желудок до размера наперстка, высушил и сдавил горло, а также разогнал пульс. Скорость течения всех процессов в твоём организме в этот момент тоже изменилась. Чтобы снять действие этого коктейля и завтра не чувствовать себя как с похмелья, тебе нужен выброс эндорфинов. Сладкое – самый доступный нам вариант.

Есть еще поцелуи, секс вообще идеален, но это не наш с ней случай, поэтому мы будем есть пирожные.

Ами не может определиться. Ей, как маленькому ребенку в магазине игрушек, хочется попробовать все. Она не говорит, это и так заметно.

Заказываю нам сет бисквитов с ягодными начинками и заварные пирожные с разноцветной глянцевой глазурью.

– Боже, сколько сахара и жира! – жмурится Ами, разглядывая наш заказ на фирменных тарелках. – Но это так вкусно выглядит!

– Вот сейчас правильно мыслишь. Это твоё настроение, на весе оно никак не отразится. Ещё и небольшой минус завтра увидишь, – успокаиваю её совесть.

Официантка ставит в центр стола пузатый чайник с чаем, а перед нами две чашки. Они такие кукольные... Я реально чувствую себя Шреком в домике Барби.

Наливаю чай, толкаю к Огоньку все пирожные. Она долго не решается к ним прикоснуться.

– А откуда ты столько всего знаешь? Ты тоже спортсмен? – спрашивает она, не сводя глаз с бисквита с сочной вишневой прослойкой.

– В прошлом да. Сейчас просто держу форму.

– Чем занимался? Боевыми какими-то? – Теперь она рассматривает смородиновый бисквит, а я стараюсь запомнить её предпочтения.

– С детства бокс, в восемнадцать ушел в ММА, а потом... – Своевременно затыкаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.